

Мария
Метлицкая

Я буду любить
тебя вечно

Мария Метлицкая
Я буду любить тебя
вечно (сборник)
Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25231212

Метлицкая, Мария. Я буду любить тебя вечно: Издательство «Э»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-699-99058-0

Аннотация

Все в детстве читали сказку про Золушку. И все мечтали оказаться на ее месте – встретить принца, который приведет в прекрасную, блестящую жизнь и сделает счастливой.

Милочка встретила принца, который исполнил ее мечту – из нищего барака привел ее в шикарную квартиру, завалил подарками, сделал счастливой. Но главное – она его полюбила. По-настоящему, на всю жизнь.

Сказка про Золушку на этом закончилась. Началась жизнь. А жизнь порой бывает несправедлива и сурова. Человек слаб, соблазн поменять одного принца на другого, более удачливого, есть всегда. Как поступит Милочка – как в сказке или как в жизни?

Содержание

Я буду любить тебя вечно	5
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мария Метлицкая

Я буду любить тебя

вечно (сборник)

© Метлицкая М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Я буду любить тебя вечно

Лето семьдесят второго выдалось чудовищно жарким. Даже не просто жарким, а удушающим, в Подмоскovie горели торфяники. Москва задыхалась, больницы не справлялись с потоком несчастных сердечников, которым зачастую просто не успевали оказывать помощь – прямо из приемного покоя они попадали в больничный морг.

Но Милочка от жары не страдала: в ее, точнее их с мужем, квартире мерно гудел кондиционер – редкая, почти неизвестная по тогдашним временам вещь. Муж, привыкший, казалось бы, к жизни в жаркой стране, переносил московскую жару на удивление плохо, поэтому и привезли из далекого Баку это громоздкое, но необходимое приспособление.

Да и плотные шторы на окнах были нелишними.

Обычно Милочка просыпалась к полудню. Долго лежала с закрытыми глазами, словно не хотела смотреть на происходящее вокруг. Впрочем, ничего и не происходило – в квартире было оглушительно тихо. Муж давно был на службе, а домработница Зина ходила по дому босиком – не дай бог потревожить хозяйку! Деревенская Зина была непроста – горничные, водители, слесаря и прочий персонал, обслуживающий дипломатов, был «при погонах». А по-другому и быть не могло.

Милочка припомнила, какой сегодня день: четверг! Зна-

чит, вредоносной Зинки сегодня не будет. Да и слава богу. Кофе она себе сварит, справится. А вечером они с мужем идут на прием, там и поужинают. Впрочем, проблемы питания ее не волновали – сама, как говорится, не едок, а муж почти все вечера по ресторанам. Он так привык еще с холостяцких времен. А в холостяках ее драгоценный супруг ходил много лет. Да не просто в холостяках – женихом он был завидным!

Подумав о нем, о своем благоверном, Милочка громко вздохнула. Вот перевернуться бы на другой бок, закрыть покрепче глаза и... Вставать не хотелось. Потому что знала – сегодня (и завтра, и послезавтра) все будет абсолютно одинаково – утро, день, вечер, ночь. До оскомины на зубах, до тошноты. Ничего нового не случится – сценарий ее жизни был расписан и утвержден – мужем, судьбой и привычками. Значит, нового ждать не приходилось. А старое было неинтересным.

И все-таки Милочка встала – начинала болеть голова, а это означало, что срочно необходимо выпить кофе – крепкого, сладкого, со знакомой и любимой горчинкой. К хорошему кофе ее приучил муж – сам большой знаток и любитель. Восточный человек, это понятно. Кофе ему доставляли с родины – тот, что продавался в магазинах столицы (если, кстати, еще и продавался!), он не признавал.

В квартире было прохладно и даже холодновато. Жужжал кондиционер. Милочка поежилась, накинула теплый халат,

поставила варить кофе и подошла к окну. Распахнув шторы, открыла окно. В ту же минуту в квартиру ворвался шум, запах и жар улицы. Окно она тут же захлопнула – как надоела эта жара! Ей захотелось зимы – морозной, белоснежной, свежей и ароматной от запаха хвои.

Кофе она выпила с удовольствием. А вот есть не стала, открыв высоченный «Розенлев», глянула туда и тут же захлопнула. Ничего не хотелось – ни копченой колбасы, ни черной икры, ни французского сыра.

Выпив кофе, пошла в ванную и долго разглядывала себя в огромное зеркало, висящее над голубой раковиной. Потом открыла баночку с кремом – французским, дорогушим. С удовольствием вдохнула его запах – земляника и мандарин.

Потом не спеша переместилась в гостиную и прилегла на диван, рядом с которым, на мраморном столике, стоял телефон. Пару минут Милочка смотрела на него, а потом набрала номер. На том конце провода раздался хрипловатый и вялый голос.

– Это я, – проговорила Милочка. – Ну как дела?

В общем, начинался день. Ее день – обычный и похожий на все остальные.

Устроившись поудобнее, она принялась слушать подругу. Хотя какую подругу? Подруг у нее не было. Так, приятельницы.

Не то чтобы это было ей интересно. Просто... Это тоже было привычкой. Надо же было как-то начать наконец этот

день. Иначе... Иначе можно было рехнуться.

* * *

Свое детство и отрочество Милочка вспоминать не любила – да и что там была за радость! Все было тускло, уныло, тоскливо. Так, что возненавидела она ту жизнь навсегда.

Комнатка в бараке в Орехове-Зуеве. Комбинат, где работала мать. Вся жизнь поселка крутилась вокруг комбината – камволки, как называли его местные. Шелкопрядное производство братьев Морозовых после революции переродилось в камвольный комбинат. Рабочих селили в бараки, оставшиеся еще с тех дальних времен. Удобств не было – туалет на улице, вода из колонки, а готовили на газовых плитках, стоящих в коммунальных кухнях, периодически меняя баллоны.

Ад – так называла свою молодость Милочка, но только про себя. В той новой жизни, к которой она так стремилась и куда, собственно, и попала, про ее прошлое никто не знал. Той жизни она стыдилась.

Мать работала на камволке – тяжело, сменами. Приползала усталая, с потухшими глазами и серым от пыли лицом. На хозяйстве была бабка Нюра, тетка матери, приехавшая из деревни. Вызвали ее для дела – растить девочку Милочку.

Отца своего Милочка не знала и не видела никогда – мать отмалчивалась, а вредная бабка поджимала губы и выдавала всегда одно и то же: «Сволочь он. Сволочь как есть. И чего

про него говорить?»

В детстве Милочка мечтала – вырастет, поедет в Москву и найдет отца. Папу. Папочку. Он, конечно же, ей страшно обрадуется и умилился, что они похожи: ах, какая выросла девочка! Какая красавица – гордость отца. Он, ее папочка, будет, конечно же, известный и очень богатый – например, артист кино или театра. Большого – других театров Милочка и не знала. Или он может оказаться известным футболистом – они тоже богатые. Или писателем. Какая разница? Главное – что он есть.

Конечно, папочка оставит ее у себя. Никаких сомнений. В большой, нет – в огромной квартире с видом на Кремль. Ну или на Москву-реку. Там будет блестящий паркет, по которому она, Милочка, будет плавно скользить как балерина. У отца будет много вкусной еды – торты, пирожные, шоколадные конфеты. Конечно, мороженое – разноцветное: розовое – фруктовое, белое – сливочное и коричневое – шоколадное. Ешь сколько хочешь, никто слова не скажет.

К нему будут приходить красивые и нарядные гости – актеры, писатели, музыканты. Может быть, даже Майя Плисецкая. Или Сергей Бондарчук. И все они станут, конечно же, восхищаться красавицей Милочкой. А папа будет очень доволен!

Мечты, мечты... Но Милочка верила.

Бабка Ньюра целый день торчала на кухне – цапалась с со-

седками, крутилась у плиты, сплетничала. А после обеда выходила во двор.

Двор был грязным, захламленным старым, ненужным бахлам: колченогими табуретками, поломанными игрушками, сдутыми и рванными футбольными мячами, окурками, огрызками, шелухой от семечек, ржавыми консервными банками и обрывками газет. И никому не приходило в голову его подмести или хотя бы собрать мусор.

Женщины – в основном старые, молодые были на работе – сидели на лавочке, сбитой Восьмого марта, в Международный женский день, добродушными по случаю праздника мужиками. Правда, это было давно, еще до рождения Милочки. Теперь лавка покосилась и почернела, но на повторный подвиг мужики так и не сподобились, как бабы их ни упрасывали.

На улице женщины отдыхали – приглядывали за детьми, щелкали семечки, поносили мужей и сплетничали. Это и было их основным развлечением в тяжелой, горькой и постылой жизни.

Летом во дворе столбом стояла пыль, но никому и в голову не приходило включить шланг и прибить ее водой.

Конечно же, мужики пили. И пили горько, с размахом. Напивались с зарплаты и аванса. В эти «священные» дни многие жены торопились встретить мужей у проходной – а вдруг не успеет пропить? Многие соседи сидели. Бывали и драки – между супругами, соседями, детьми.

Летом во дворе стояли тазы со стиркой – в бараках нечем было дышать. Во дворе стирали, варили варенье, вынеся из дома керогаз и кастрюли. Тогда в августе и сентябре по двору плыл сладкий запах ягод и фруктов.

На веревках полоскалось от ветра белье – мальчишки, конечно, попадали в него мячом, а женщины с криком бросались за ними.

Милочка ни с кем не дружила. Во двор почти не выходила – зачем? Слушать крики детишек и их заполошных мамаш?

Разборы, скандалы между соседями? Противно. Она ненавидела свой двор, своих соседей, свой городок. Ненавидела все – отвратные запахи дешевой еды – вареной капусты, горелого молока. Звуки рыдающей гармонии, пьяные выкрики, громкие проклятия, покосившиеся темные бараки, пыльные и чахлые редкие деревца. Серую от пыли, вытопанную траву.

Она ненавидела все. «Папочка, папочка! – шептала она по ночам. – Пожалуйста, забери меня отсюда! Очень тебя прошу!»

Спасало то, что бабка Нюра в комнате почти не бывала – то торчала на кухне, то во дворе. Почти до вечера Милочка была хозяйкой в их узенькой темной комнатке – две кровати, старая раскладушка, со скрипом разбирающаяся только перед сном, иначе в комнате было бы не пройти. На раскладушке спала мать.

Мать возвращалась с работы, и садились ужинать – вече-

рять, как говорила деревенская Нюра. При этих словах Милочка морщила нос и закатывала глаза.

Нюра обижалась и жаловалась матери. Измученная мать махала рукой: дайте в себя прийти, господи!

От усталости она начинала плакать, но Милочке было ее не жалко. Сама виновата – не смогла удержать отца. Папочку.

На ужин обычно была каша – перловая или пшенная. Или картошка. После зарплаты – с куском колбасы или рыбы. Рыба воняла, от жирной колбасы болел живот. Иногда «подавались» макароны – серые, клейкие. Но – посыпанные сахаром. Их Милочка ела. Отодвинув тарелку с недоеденной кашей, она резко вставала со стула.

– Не нравится, барышня? – Бабка Нюра сверлила ее злобым взглядом. – Ишь, королева!

– Оставь ее, – коротко бросала мать. – Не хочет, да бог с ней! Проголодается – холодное съест.

Но Милочка не ела – на десять копеек покупала себе булочку с маком. Запивала газировкой из автомата. Да пропадите вы пропадом с вашими кашами!

Пенсию свою бабка Нюра копила, не отдавала. Оплачивала только «квартирные»: «Я у вас тут не за просто так – я на законных!» Но мать молчала – тетка и стирала, и гладила, и толкалась в очередях за продуктами. И как-никак, а готовила. Называла она Милочку Люськой. Так и орала в окно: «Люська, ты где?» Милочка злилась. Имя «Люська» казалось

ей простым, каким-то шалавистым – что это за Люська? То ли дело Милочка! Настаивала на Милочке, а вредная бабка смеялась: «Милочка? Да так в деревне коров кличут! Выдумала чего – Милочка!»

А однажды... Стерва эта старая навсегда перечеркнула светлые Милочкины мечты – недобро усмехнувшись и глядя ей в глаза, вдруг выдала:

– Папашу своего ждешь?

Милочка затаила дыхание.

– А ты не жди, девка! Сгинул твой папаша – тю-тю! В тюрьме подох. Собаке – собачья смерть!

– В тюрьме? – глухо спросила Милочка. – В какой тюрьме, баба Нюра?

– В какой, какой? В обыкновенной! Куда людей содят! Нет, не людей – убийц и воров! Вот и папаша твой – убийца!

– Почему? – еще тише спросила Милочка. – Почему он убийца?

– А я почему знаю? – разозлилась Нюра. – Брата своего уколошил! Вот и сел, сволочь такая!

Милочка медленно встала из-за стола и вышла из комнаты.

Бабку Нюру она теперь ненавидела.

И самым страшным было то, что в тот день навсегда рухнули светлые Милочкины мечты. Мечты о том, что отец, папа, папочка, заберет ее из этого ада и пригласит, поведет в новую счастливую жизнь.

Нюра умерла, когда Милочке было двенадцать. Мать горевала: во-первых – единственная и последняя родня, а во-вторых – помощница. У самой сил ни на что не было – камволка забирала все.

Но задышалось им с Милочкой после этого легче. Нюрины накопления нашлись через полгода, когда наконец собрались выкидывать старую кровать. Нычку увидела Милочка – грубый шов на обратной стороне матраса.

Вспороли легко – а там... Куча денег! Красная от возбуждения мать в который раз пересчитывала потертые купюры и не верила своему счастью: «Дочь, а мы ж теперь богачи!»

И принималась мечтать:

– Купим кровать – тебе, новую! А я уж посплю на твоей! Поедем в Москву и справим пальто – мне и тебе, а? А давай холодильник? – вскрикивала мать, улегшись в постель. – А, Милунь? Надоело уж за окно! И будем как люди! А может, – мать замирала, словно боялась это произнести, – может, на море? Как думаешь, дочь?

Милочка громко вздыхала и, не отвечая, переворачивалась на другой бок. А что изменится, господи? Ну пальто. Ну холодильник. Ну даже море! И там они будут как... Нищенки. Считать копейки, отказывать себе во всем. Обедать в душевной столовке теми же щами. Жить в таком же бараке.

Потом мать начинала сетовать:

– А как мы будем без Нюры? Мы же с тобой совсем ни к

чему не приспособленные!

Конечно, это была полная глупость, потому что зажили они без бабки Нюры хорошо. Не просто хорошо – отлично зажили! Правда, денег им теперь всегда не хватало, то есть кончались они моментально, спустя пару дней после зарплаты. Вести хозяйство мать с Милочкой не умели. Зато теперь они покупали себе все, что хотели, – кексы с изюмом, вафельные тортики, шоколадки, мороженое, докторскую колбасу и шпроты в масле – если удавалось достать. И еще – сгущенное молоко, Милочка его обожала.

Мать приходила с работы и, растерянно улыбаясь, выкладывала из сумки все эти вкусности. Так и ужинали – шпроты с хлебом и чай с тортиком. Красота! И никто больше не ворчал, не шипел, не ругал маму и не обзывал ее бестолковой неумехой, дурочкой и транжирой.

Мать, кстати, тоже словно освободилась от вечного бабкиного ворчания и скандалов («Я тут пашу на вас, а вы?»), сбросила с плеч тяжелый груз, стала улыбаться и даже изредка что-то напевать себе под нос. Правда, когда теперь она раскрывала кошелек, то сразу расстраивалась и бледнела.

– Как же так, Милочка? – удивлялась она. – И как мы дотянем до зарплаты?

Милочка беспечно махала рукой:

– С голоду не помрем! Как-нибудь, мам!

– Как-нибудь, – повторяла та и заметно грустнела.

С голоду, разумеется, не помирили – на картошку и мака-

роны всегда хватало. Ели пустую картошку и смеялись.

– Вот она, расплата за удовольствие! – шутила мама. – Нет, все-таки Нюра была права: я жуткая неумеха и совсем безголовая!

– А ты мне такой нравишься, мам! – отвечала Милочка.

И мать улыбалась и молодеда.

Без Нюры была свобода: гуляй – не хочу! Никто не заглядывал в тетрадки с уроками, никто не зудел за плечом. Не заставлял есть перловую кашу.

В пятнадцать лет Милочка поняла, что она красавица. Как поняла? Да очень просто – на нее обращали внимание, оборачивались. Сосед Пал Васильич при ее появлении громко кричал и сильно краснел, с испугом оглядываясь на свою суровую супружницу Гаю. Галя сводила брови и грозила пальцем:

– Я тебе! Старый хрен! Ишь, разохотился! – И тут же начинала смеяться. – Ну посмотри, посмотри! Чё тебе еще остается? Только глазками твоими бесстыжими и лупать! А потомушта... Сам знаешь, почему!

Пал Васильич белел и быстро скрывался за своей дверью.

– От же старая кобелина! – теперь уже грустно вздыхала Галя. – Всю жизнь ведь... Никого, сволочь, не пропускал.

Одноклассники не давали Милочке проходу – подкладывали в портфель записки, оставляли в парте шоколадки или открытки, караулили ее у школы и торчали под ее окнами.

В девятом классе она увлеклась шитьем – девчонки пе-

редавали друг другу выкройки, срисованные из «Крестьянки», «Работницы», «Силуэта». Шить у нее получалось лучше всех в классе – даже вредная учительница труда ее хвалила: «Талант у тебя, Иванова! Просто талант!»

За тканями девочки ездили в столицу. Иногда удавалось «урвать» что-нибудь из косметики: польскую помаду, ленинградскую тушь, лак для волос. А там заодно и гуляли – парк Горького, Сокольники, ВДНХ. Ели мороженое, пили сладкую воду.

Теперь Милочка, по словам матери, «была одета» – появились платья в горох и в полоску, пышные, на подкладке юбки, блузочки в талию. А уж талия у Милочки была будь здоров – всем на зависть!

Подводила только обувь – и дорого, и не достать.

– И в кого она такая? – удивлялись соседки. – Вон, Вера-то совсем обыкновенная! – Они провожали взглядом Милочкину мать. – А Милка у нее – высший класс!

Милочка разглядывала себя в зеркале.

– Да, ничего, – скромничала она.

Но «ничего» – это было не совсем то слово, которое было уместно. Была она хороша фантастически – карие, с рыжиной глаза, изящный и тонкий носик, пухлые губы и нежная смугловатая кожа. Густые, мягкой волной, русые волосы, тонюсенькая талия и высокая, большая, не по годам, грудь. Ну и стройные, очень стройные и красивые, длинные ноги.

Училась Милочка средне – науки были ей неинтересны –

ни точные, ни гуманитарные. Читать она не любила, к музыке была равнодушна. Увлечения девчонок стихами не понимала и не разделяла, считая все это полными глупостями. Она вообще ко всему была равнодушна. Ко всему и ко всем. О чем она мечтала? Да она бы и сама сформулировала это с трудом. О любви? Да как-то... Не очень. О хорошем муже, о детях? Нет, замуж ей не хотелось, дети раздражали. А, вот! Милочка мечтала жить *красиво*. Безбедно, сытно, нарядно.

В красивой жизни она понимала немного – так, впечатления от иностранных фильмов, редких журналов, да, пожалуй, и все.

Но – знала точно – красивая жизнь есть! И кстати, где-то совсем рядом, недалеко. Скорее всего, в столице, в Москве. А это рукой подать! Только с умом надо к этому подойти. Вот тогда и получится.

Плюс – есть у нее кое-что поважнее семьи или там образования. У нее есть красота. А с этим богатством все достижимо, не правда ли? Особенно если вспомнить старые сказки, «Золушку» или там – Милочка задумывалась – что еще? В литературе она была не сильна.

Любила она, пожалуй, только мать – единственного близкого человека. Но и к матери относилась с легким презрением – скучно, тоскливо и даже страшно проживала та свою жизнь, в нищете, тяжелом труде, в вечном подсчете копеек, в вечном страхе – перед начальником цеха камволки, перед Нюрой, перед соседями. Даже от участкового Мишки, горь-

кого пьяницы, шарахалась. Спрашивается – почему? Что она такого сделала, чтоб бояться этого уroda? Всех боялась, перед всеми заискивала.

Продавщица в молочном вечно подсовывала ей просроченный кефир. Обнаруживалось это только дома – там, в магазине, матери было неловко посмотреть на срок изготовления. Милочка пеняла ей, что она трусиха и растеряха, требовала вернуть брак обратно. Мать начинала плакать и отказывалась идти разбираться.

– Кого ты боишься? – негодовала дочь. – Эту тварь?

Милочке было пятнадцать, когда она не выдержала и сама отправилась в молочный. Подойдя к прилавку, со стуком шмякнула бутылку с кефиром и бросила пачку с творогом.

– Угощайся! – сказала она наглой и высокомерной продавщице.

Та, известная хамка, оторопела. Очередь замерла, а Милочка, прищулив глаза, повторила:

– Ну что же ты? Растерялась? Угощайся! Кефирчику выпей. Может, пронесет, а?

Продавщица засуетилась, покраснела как рак и заменила Милочке кефир и творог.

Милочка удовлетворенно кивнула и удовлетворенно добавила:

– Вот и правильно! Так и дальше делай! – И гордо, с достоинством удалилась под тихий шепот ошарашенной очереди.

С той поры мать никогда не приносила просроченные про-

дукты.

И Гальку, вредную соседку, Милочка поставила «куда надо», та вечно придиралась к матери по всяким пустякам: то чайник забыла выключить, то свет в ванной оставила, то с ботинок в прихожей натекло, то с зонта накапало.

– Не нравится – убери! – цыкнула Милочка. – Возьми тряпку и убери! Весь день на кухне болтаешься, языком чешешь! А люди работают, если ты не заметила!

И вредная Галька заткнулась.

Мать удивлялась, умилялась и, как всегда, боялась.

– Милочка! Я понимаю, ты моя защитница и ты молодец. Но... все же, так грубо... Зачем портить с соседями отношения? Можно же было и как-то помягче...

– А если «помягче», как ты выражаешься, – фыркала Милочка, – тогда лови в супе плевки! Хамы ведь по-хорошему не понимают! Ты что, не заметила?

Милочка часто думала о том, что мать в молодости была симпатичной, да только всю жизнь в шкафу у нее висело два платья – летнее и на зиму.

– А мне больше не надо! – говорила она.

Не надо... Страшно-то как! Не то страшно, что платьев всего два, а то, что *не надо*. Милочка так не хотела. Да и вообще ей вся эта убогая, нищая, «паучья», скандальная, мелкая и грубая жизнь порядком поднадоела. Противно все это. Мышиная жизнь – не человеческая, а именно мышиная. И она, конечно же, этого избежит! Очень постарается избе-

жать! И это у нее получится, поверьте.

После школы она устроилась на работу в регистратуру медсанчасти. Работа была сменная: день – утро, день – вечер. Отличный график. Да и работа не бей лежачего – найти в картотеке карту больного и, собрав их с десятков, разнести по кабинетам врачей. Правда, и платили копейки – но на чулки, сигареты, польскую тушь и помаду хватало. Матери она ни копейки не отдавала. Та была не слишком довольна, но молчала. Спорить с Милочкой, на чем-то настаивать? Да что вы, о чем?

В медсанчасти за Милочкой принялся ухаживать доктор Ваня – так его называли сотрудники. Был он парнем симпатичным и веселым, без конца травил анекдоты, на взгляд строгой Милочки – пошлые и несмешные.

Робея и краснея, пробовал пригласить на свидание. Милочка, осмотрев его в головы до пят и почти заморозив ледяным и презрительным взглядом, усмехнулась:

– И что?

Растерянный Ваня молчал.

– А дальше-то что? – повторила Милочка с еще большим презрением.

– В каком смысле? – наконец выдавил неудачливый кавалер.

– Да в прямом! – жестко ответила та. – Что ты, например, можешь мне предложить?

Ваня удрученно молчал, лихорадочно думая, чем бы удивить эту красивую и необычную девушку.

Понимая, что попадет в немилость, жалко пробормотал:
– Ну... В кино, например. Или в кафе! А хочешь – в Москву мотанем! А, Мил?

Милочка рассмеялась:

– В кино? На рваных креслах слушать, как впереди и сзади сношаются? Как катаются бутылки между рядов? Мат трехэтажный? Нет уж – уволь! – Она помолчала. – В кафе, говоришь? Тоже дело! Липкий стол, портвешок и пирожные с кислым кремом? И та же компания, что и в кино. Здорово, да? Ну просто мечта всей моей жизни! Ну, допустим – у нас все получится. Слюбимся, как говорила моя бабка Нюра. Ну а что потом?

Опустив глаза в пол, Ваня молчал.

– Так вот, про потом, – оживилась Милочка. – Соберем мы на свадьбу, предположим, хотя и трудно будет. Зарплата-то у тебя – сам понимаешь. На дешевое платье соберем, на дешевый костюм. На дешевые кольца. Сыграем свадьбу – все в той же вонючей «Ромашке». Все напьются, набьют друг другу морды, потом помирятся. Потом снова набьют – ну ты же знаешь, как это бывает. А потом, Ванечка... Потом мы переедем к тебе! Да-да, к тебе – в общежитие! Ко мне-то некуда – места нет, да и мама. А у тебя – комнатуха в шесть метров. Ни мебели – да и куда ее ставить? – ни люстры, ни тумбочки и ни шкафа. Где брать? Снова копить! И ждать –

долго ждать, когда тебе *выделят* комнату! Не в общежитии, а в бараке – там-то будет своя! Своя, Вань! Возможно – побольше! Метров восемь или, допустим, десять.

А дальше? А дальше – *всё*! Ну и начнем мы копить – на шифоньер. На телевизор. На холодильник. На сапоги и пальто. На отпуск не хватит – какой уж тут отпуск? Ну мотанем к твоей родне в деревню – милое дело! А там – огород, хлев, дороги размыты, потому что дожди. Да! Ребеночек народится – куда ж без него? Так ведь положено, правда? Без него будут косо смотреть соседи, родня. Мне-то, Ваня, конечно же, наплевать... А тебе? Ну и дальше будем колотиться – в той же лачуге, в той же нищете. Только теперь – с ребенком.

Ты когда меня начнешь ненавидеть, Ваня? Молчишь? А ты подумай! Хорошо, я скажу сама. Я тебя – месяца через два после свадьбы этой убогой. Ну а потом ты запьешь – здесь у нас по-другому и не бывает, потому что жизнь такая собачья, ты мне поверь! Все пьют, Вань! Оглянись! Ну и еще, – она недобро усмехнулась, – знаешь, в кого я превращусь? А, не знаешь! В склочную и мерзкую бабу. Как Лидка-санитарка. Как тетя Дуся – повариха. Как соседки мои и твои. А ты... Ты, Ваня, ты тоже... Брюхо наешь – обязательно, на картошке-то, а? Полысеешь. Озлишься. На все – на эту жизнь, на меня. Потому что тоже начнешь меня ненавидеть: ною, как пила. Придираюсь. Недовольна всем и всегда. Ты – меня, я – тебя... Такие дела. – Милочка замолчала и громко выдохнула. – Ну как, Вань? Хорошо?

Он, не глядя на нее, коротко мотнул головой:

– А по-другому, Мил? Не бывает?

– Нет, Ваня! – уверенно ответила она. – Здесь – не бывает.

Я всю жизнь здесь живу! И вижу, что происходит вокруг. Не бывает! Потому что, – она помолчала, – в хлеву и живут по-скотски. Иначе нельзя. Ты вот как хочешь, а я... Я, Ваня, буду жить по-другому! Ты меня слышишь? А не получится – лучше в петлю. Не по зубам я тебе, доктор Ваня! Ты уж прости. Не по зубам.

– А кому по зубам? – зло спросил он. – Подобрала уже?

– Нет пока! – рассмеялась Милочка. – Но подберу! Ты не волнуйся!

– Наполеоновские у тебя, Мила, планы! – усмехнулся он.

– Ага! – беспечно ответила Милочка. – Именно так! А что тут плохого?

Ваня кивнул:

– Ну да! Рыба ищет, где глубже. Я понял. А человек...

Она его перебила и повторила:

– А что тут такого? На то он и человек, а не рыба. На то у него и мозги!

И, круто развернувшись, Милочка пошла прочь.

Обескураженный молодой доктор Ваня растерянно смотрел ей вслед. Ваня, лучший и перспективный жених в поселке. А тут... такой вот конфуз...

Милочка тосковала. Она знала и понимала, что рядом – совсем рядом, только протяни руку! – есть совершенно другая, радостная и прекрасная жизнь. Но как? Как выйти на эту дорожку? Как попасть туда, в это волшебное Эльдorado, где вкусно пахнет французскими духами, хорошими сигаретами, натуральной кожаной обувью, шоколадом и спелой клубникой? Ах, если бы она была студенткой... Например, Института иностранных языков, что на Остоженке. Как хороши они, эти девицы! Как одеты, как держат себя – королевы! Как важно потягивают «Шампань-Коблер», затягиваясь тонкой сигаретой! А если честно, ни одна ей не годится в подметки.

Там, в институте, в кафе, эти девицы и знакомятся со своими кавалерами. А где знакомиться ей, Милочке? В медсанчасти, где шаркают тапками вонючие деды?

А ее наряды? Это мама думает, что ее дочь – куколка. Заблуждается мама. Все эти юбочки из дешевого ситца, сатиновые кофты – жалкая подделка! А обувь? Счастье, если румынская или чешская. И ее не достать. А эти чертовы духи, пахнущие дешевым мылом? А жизнь, между прочим, проходит...

Вырваться бы из этой серости, тусклости, затхлости. От этой убогости, из этого ада! От этих тетягаль, иванвасилье-

вичей, марьиванн. От их нестерпимых запахов щей и котлет, от сохнувшего в ванной омерзительного, потрепанного, перештопанного белья. От их склок, зависти, нищеты. Бедная мама... Чему она радуется? Отрезу ситца, тощей курице, «оторванной» в очереди! Новым набойкам на босоножках? Клеенке в пошлый цветочек, пахнувшей всеми химзаводами мира? Мама, мама... Как нелепо ты прожила свою жизнь. Но я, твоя дочь, достойна лучшего. И оно, это лучшее, у меня будет! Поверь.

* * *

В восемнадцать Милочка прижала мать к стенке:
– Давай рассказывай! Все без утайки – кто мой папаша и где.

Тайная надежда, что вредная Нюра соврала, оставалась. Но ничего не вышло. Мечты снова разбились в полный прах. Мать долго сопротивлялась, а потом рассказала: случайная и короткая связь. В Полтаве, у родни, куда ее отправили на летние месяцы. Там и случилась ее первая любовь. Как потом оказалось – первая и последняя. Звали его Виталий.

– Господи, какое пошлое имя! – сказала Милочка и скривила губы.

– Почему? – удивилась мать. – А по-моему, очень красивое!

– Витася, Виталя, Витек – ужас, мам! Очень пошло. Вот если бы Эдуард! Или Аркадий!

В общем, погуляли по красавице Полтаве с месяцок, и уехал Виталька. Куда и на сколько? Сказал, что на пару недель и по делам. Ну а уж когда вернется, там и распишемся.

И мать, дурочка эта, поверила. Виталька, Витасик, Витуля не вернулся. Никогда. Пошла она к его тетке, сестре по отцу. А та удивилась:

– Виталька? Да он же женат, девка! Гуляла с ним? Ох, кобелячья порода, весь в отца! – Кажется, тетка этим гордилась. – Да и жена у Виталика беременная – ребеночек должен вот-вот появиться, – продолжила она. – Езжай, девка, до дому! Вот тебе мой совет. И не ищи его, у него таких, как ты, огород!

А дома Вера обнаружила, что беременна. Тогда и поехала к тетке Нюре в деревню – совета просить. Родня ведь. Та, естественно, в крик. На аборте настаивала – две недели пилила, со свету сживала. Ну а потом смирилась – что с тебя, дуры, взять? Ладно уж, как-нибудь. Переберусь к тебе, дуре. Буду помогать. Как ты одна, с ребенком? Только в петлю.

Все правильно, в те дни Вера часто думала о петле. Вот бы разом, мигом – и все! Но испугалась.

– А кем он был, твой Виталька? – презрительно перебила ее дочь.

– На заводе работал. Наладчиком, кажется...

Наладчиком. Вот уж правда, подарок! Наладчик Виталька. Хотя а что она ожидала от своей матери? Что дурочка эта подцепит профессора или летчика? Смешно. Наладчик Виталька – вот короткое и светлое мамино счастье.

А мать, громко всхлипнув, тихо сказала:

– Ты, доченька, вся в него! Копия просто! Он ведь красавчиком был, мой Виталя.

Ну хоть за это спасибо. Низкий поклон. Эта ведь дурочка могла бы меня и от уroda родить – с нее-то станется! Пожалела бы какого-нибудь убогого и...

– Ну а дальше что было? – спросила Милочка, сведя брови. – Договаривай!

Мать вздрогнула, испуганно посмотрев на суровую дочь.

– Дальше? А что?

– Не прикидывайся! – оборвала ее Милочка. – Дальше он сел! Так или нет?

Мать опустила голову.

– Сел. Я потом, с тобой, с маленькой, в Полтаву ездила – вдруг... К тетке его снова ходила. Ну, та все и рассказала. Про пьянку, про драку. И про топор... Жалко его было, дурака. Так жизнь загубить.

Милочка истерично расхохоталась.

– Тебе его жалко? Этого подонка и урода? Ну ты даешь! Тогда... – Она на секунду задумалась. – Тогда мне не жалко тебя! Слышишь, не жалко! Совсем!

Мать не ответила.

На выходные Милочка уезжала в Москву. Иногда ночевала на вокзале – возвращаться домой не хотелось. По Москве просто гуляла – мороженое, кино, Парк культуры. А однажды повезло, сказочно повезло – встретила бывшую одноклассницу Лильку Цветкову. Встретила и обалдела – ничем не примечательная Лилька превратилась в роскошную, сногшибательную красавицу. Прическа, косметика, платье, туфли. Господи, и это Лилька? Даже не верилось.

Лилька тоже всегда хотела вырваться из поселка. Но это была совершенно другая история. Во-первых, у Лильки была семья: папаша – начальник цеха и мамаша – заведующая парикмахерской. Во-вторых, они не жили в бараке, а в отдельной квартире.

А в-третьих, Лилька прекрасно училась, везде успевала.

Что сравнивать несравнимые вещи – Милочкину жизнь и Лилькину?

Лилька тоже с интересом оглядывала ее. Правда, интерес быстро погас, уступив место легкому сожалению – весь Милочкин вид этому сильно способствовал.

«Где ты? Как ты? Что ты?» – задавались обычные вопросы, исключительно из любопытства.

Лилька рассказала, что учится в Полиграфическом – она всегда хорошо рисовала, – живет бурно и весело, с компани-

ей повезло. Ребята все солидные, из хороших семей. Ну и не бедные, «ты ж понимаешь!». Девчонки им под стать. Лилька снова скользнула взглядом по Милочке – с головы и до ног.

Милочка залилась бордовой краской от унижения и обиды. И еще – от злости. Так бы и послала эту Цветкову! Однако тут же сообразила: может, Лилька и есть тот самый ключ в ее новую, прекрасную жизнь? Чем черт не шутит?

Мозгов у Лильки не много – вряд ли сообразит, что Милочка ей будет соперницей. Да и самомненье у нее – выше крыши! Как же, студентка!

И Милочка разлилась соловьем:

– Лилька, какая ты стала! Красавица просто. Нет, нет, конечно, ты всегда была хороша, но сейчас – расцвела! Расцвела, как майская роза, глаз от тебя не отвести, честное слово!

Ну Лилька зарделась – приятно, конечно, – и снизошла:

– Ну а как ты, Иванова?

И все глазами шарит, как по увечному инвалиду – с сочувствием.

Хвастаться Милочке было нечем:

– Так, работаю, ничего интересного. Лилька! А может, куда-нибудь сходим? Ну в смысле... – Милочка задумалась, что она может предложить столичной студентке.

Лилька скорчила обезьянью гримаску. В глазах читалось: «С тобой? Да со стыда сгорю, что ты! Видок у тебя, подружка...» Но тут же сообразила:

– Слушай, Иванова! Ты, говоришь, в медсанчасти? А

справку мне сделать можешь? На год, освобождение от физры?

Милочка пожала плечом:

– Да запросто! Сделаю, мне это раз плюнуть! Ну и баш на баш – я тебе справку, а ты меня в свою компанию, а? Совсем я засиделась. – И Милочка притворно-лениво зевнула.

Лилька вздохнула и согласилась – в конце концов, плата не так велика.

Все оказалось в точности, как Милочка себе представляла.

Квартира на Кутузовском, куда позвала ее Лилька, была огромной: четыре комнаты, большущая кухня и просторный, длинный коридор – хоть на велосипеде катайся. Свет был притушен, а народу полная коробочка, не протолкнешься. То и дело кто-то вваливался «на новенького», входная дверь на замок не закрывалась. На столе и подоконнике в изобилии толпились бутылки всех мастей и фасонов – невиданные, заморские, с яркими этикетками. В плотном сигаретном дыму были неразличимы фигуры и лица – как в фантастическом кино. Никого не разглядишь, а разговоров почти не слышно – гремит музыка. Видны только взмахи рук, и иногда сквозь музыку прорывается смех. Мир теней. Кто-то общается, кто-то дремлет в кресле, кто-то варит кофе на кухне, кто-то слушает музыку, а кто-то танцует, топчется на свободном пятачке ковра, плотно сплетаясь телами. Похоже, никому и ни до кого нет ни малейшего дела. Все – по интересам. Хозяин

квартиры – невысокий и щуплый парень, затянутый до скрипа в узкие джинсы, уже изрядно пьяный, громко и радостно приветствует приходящих, предлагая им выпить. Еле стоит на ногах. Какая-то девица уводит его в спальню – Бобу нужно поспать. Другая девица, в открытом сарафане на тоненьких лямках, роется в холодильнике и, найдя жестяную красивую банку, требует открыть ветчину: «Сейчас сдохну от голода!» Ветчину тут же вспарывают, и несколько человек, подоспевших на запах яичницы – ее жарит симпатичный толстяк в красной рубашке, – приступают к поспешной трапезе. Едят стоя, со сковородки, тыча в нее вилками.

«Золотая молодежь, – фыркает Милочка, – а жрут, как свиньи, хуже тетя Гали с Васильичем!» Она выходит на балкон – вдохнуть свежего воздуха. Ей плохо – подташнивает от табачного дыма, выпитого сладкого вишневого ликера (хотя очень вкусно, очень!) и голода – ей тоже хочется есть. Но не полезет же она в общую сковородку хватать яичницу!

Еще Милочке хочется спать, но она понимает, что если сейчас отсюда уйдет... Хотя она очень разочарована. Ей представлялось, честно говоря, все по-другому. А здесь как-то очень по-свински. В эту минуту на балкон выходит парень, невысокий и крепкий, светлоглазый, кудрявый блондин.

«Симпатичный», – мелькает у Милочки.
– Скучаешь? – улыбнулся он.
Милочка пожала плечами.

– Слушай! А может, сбежим? Что-то здесь как-то невесело. И все уже напились. Зоопарк!

Милочка с минуту помолчала, очень хотелось спросить: «А куда?» Но она оробела, застеснялась, боясь показаться глупой, наивной, деревенской душой. Вдруг ляпнет не то? Вдруг у них не принято отказываться от таких предложений?

Она осторожно пожала плечом:

– Ну я не знаю.

Он кивнул, взял ее за руку и увел.

«Куда?» – снова хотела спросить она. Было страшно. Куда он ее ведет? Может, в новую жизнь?

На улице уже было прохладно. Милочка поеживалась. Блондин тем временем ловил машину. Наконец одна из них остановилась, и новый знакомый махнул ей – мол, иди скорее. Она не спешила, по-прежнему раздумывая, – может, сбежать? Рвануть сейчас по проспекту – вряд ли он погонится за ней. Однако на дрожащих ногах она неуверенно подошла к машине и уселась на заднее сиденье, блондин плюхнулся рядом с ней.

За руки он ее не хватал, под кофту не лез, и Милочка слегка успокоилась. Ехали они недолго – минут пятнадцать.

– Командир, – обратился блондин к шоферу, – притормози у пятнадцатого!

Пятнадцатый – это номер дома, сообразила Милочка. Ее начало мутить от страха. Она держалась изо всех сил, но, выйдя из машины, тоскливо оглянулась – может, рвануть

сейчас? Переулок тих и пуст – почти час ночи. Блондин же тем временем расплатился с шофером и властно взял ее за руку.

– Ну что, подруга? Вперед?

Милочка кивнула и обреченно пошла вслед за ним как на Голгофу. Дверь подъезда была высоченная, тяжелая – даже он с усилием открыл ее. Широкая мраморная лестница с коваными перилами. Чтобы глянуть на потолок, надо закинуть голову. Второй этаж, две квартиры на лестничной клетке. Массивная дверь в квартиру – деревянная, темная, с резными завитками и тускло поблескивающей латунной ручкой.

Блондин открыл дверь и кивнул:

– Проходи! Чего встала? Столбняк? Или робеешь? Не бойся, не съем – сегодня поужинал! – Он почти беззвучно засмеялся, а Милочку обдало горячим и тревожным жаром.

Она зашла вслед за ним и оглянулась, таких прихожих она не видела никогда: темные обои отсвечивали матовым серебром, высокий, до потолка, шкаф был плотно уставлен книгами. Ковер на полу, вешалка с завитушками, длинная люстра с цветными висюльками.

«Что же там в комнатах, если так здесь, в коридоре?» – подумала замороженная и обалдевшая Милочка.

Блондин развел руками и улыбнулся, теперь уже внимательно разглядывая ее:

– А мы ведь не познакомились, а? Ну, мать! Мы даем! Какие же мы идиоты. Точнее, я идиот! – Он протянул Милочке

руку: – Сергей. Можно Серега.

– Мила, – хрипло ответила она и тоже протянула руку.

Рука у нее была холодная и влажная, и ей снова стало неловко.

– Слушай, а ты есть не хочешь? – неожиданно поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, снова рассмеялся. – Лично я голоден как волк! Хотя и поужинал! – Он вспомнил собственную шутку.

Милочке сразу стало так легко и просто, будто знала она этого Серегу сто лет, с самого детства. Она расплылась в счастливой улыбке и кивнула:

– Лично я – тоже! Ну в смысле – как волк!

– Ты – как волчица! – расхохотался он, качая кудрявой головой. – А ты волчица, Мила? – вдруг уточнил новый знакомый, глядя на нее с прищуром.

Милочка снова растерялась, не понимая, шутит он или всерьез, и лихорадочно размышляя, что ему ответить, чтобы не попасть впросак, не выглядеть смешной и не разочаровать своего нового и, кажется, приятного знакомого.

– Ты волчица, Мила, – ответил он за нее, – только пока, – он хитро прищурил левый глаз, – не знаешь об этом!

Она покраснела, не понимая, обрадоваться ей или все же обидеться.

– Я тут займусь, а ты отдыхай! – Он кивнул на дверь комнаты. – Располагайся!

Мила вошла и замерла как вкопанная. Дворец. Это дво-

рец! Точно как когда-то в музее – те же бордовые, с золотом стены. Та же люстра – яркий, переливающийся хрусталь. Мебель – конечно, старинная – темная, тяжелая даже на вид. Вазы, картины. Старинные фотографии – подойти поближе она побоялась, вдруг зайдет Серега. Снова будет неловко.

Милочка присела на диван и от волнения и усталости заснула. Проснулась она лишь под утро и не сразу поняла, где она. Потом испуганно подскочила, поправила одежду и волосы и осторожно вышла в коридор. Там было тихо. Она на цыпочках подкралась к входной двери, но тут услышала голос хозяина:

– Куда собралась? Рано еще, даже метро закрыто!

Милочка обернулась. Сердце билось так сильно, что она боялась, как бы Серега не услышал его бешеный стук. А он стоял в коридоре – в трусах, с голым торсом и широко и громко зевал.

– Ну что? С добрым утром?

– С добрым утром, – ответила она тоненьким, чужим голосом.

Он снова зевнул.

– Ну что же ты, Мила! Нехорошо! Я вчера, как дурак, картошки пожарил. А ты? Раз – и уснула! Нехорошо.

Милочка покраснела и снова испугалась. Но, увидев в его глазах хитрые смешинки, тут же успокоилась и взяла себя в руки.

– А я ночью не ем! Слежу за фигурой! – выпалила она,

чувствуя, как тут же вспотели ладони.

Он медленно и равнодушно с головы до ног ее оглядел:
– Фигуру? Ну это зря! У тебя и так все в порядке!

И у нее перехватило дыхание – от радости и даже от счастья.

Так начался их роман. С того самого раннего тихого утра в квартире на Патриарших прудах.

Потом выяснилось: беспечный Серега – внук известного артиста кино. Отсюда и квартира, и дача на Николиной Горе, и маленький домик под Сочи – все, что милостиво откинула советская власть своему любимцу. Дед был стар, вдов и доживал свой длинный век на огромной роскошной даче. Ухаживала за ним домработница, которая, как посмеивался внучок, ублажала его дряхлые члены.

Родители мотались по заграничным командировкам, и выходило, что сынок и внучок никого особенно не волновал – денег давали, тряпки присылали, квартира и машина у мальчика имелись.

Учись, сынок, и все будут счастливы. Но знаменитый МГИМО, а вместе с ним и перспективу дипломатической карьеры паршивец быстро оставил – вылетел со второго курса. Родители, живущие за границей, об этом еще не знали, а знаменитому деду было вообще все равно. Он давно уже жил между небом и землей, радуясь вкусной еде и ласкам кроткой услужливой Томочки, своей немолодой и верной домработницы.

Сергеа скучал. Денег полно – родители не обижают. Модными тряпками забиты шкафы. Но – скучно! Скучно, господа! Кабаки, гулянки, девицы. Да нет, все прекрасно, но однообразно и слегка утомительно. Ему была нужна деятельность. Даже не так – дело. И желательно острое, с перчиком, адреналином, на грани фола. Погони, перестрелки, темные подвалы. Суровая, опасная, но интересная гангстерская судьба. Чушь, конечно. Какие перестрелки, какие погони? И все-таки хотелось риска и драйва.

И Серега подался в фарцу. Сначала толкал свое – джинсы, батники, пластинки, сигареты, кассеты, духи, косметику, жвачку и прочую чушь. Потом серьезнее – технику, магнитофоны. Родители удивлялись, но присылали – чем бы дитя ни тешилось. Влился он быстро, и скоро в его лексиконе появились новые слова – «гренки» (валюта, «грины») «самострок» и «фирма́», «капуста», «лаве» (деньги, «бабки»), «ю́ги» – югославы, «бундеса́» – немцы из ФРГ, «дедероны» – немцы из ГДР, «бритиша́» – туристы из Англии. И «штатники» – американцы.

Фарцевал он у «Интуриста», потом перебрался к «Березке» – там было потише и поспокойнее. Но все равно нервно оглядывались, ждали ментов. Иногда подъезжала «канарейка», и фарцовщики бросались врассыпную – им были известны все близлежащие дворы, переходы и подъезды. Пережидали. Ну а потом все по новой. Денег, конечно, «поднимали». Но Серега рисковал не за деньги – Серега риско-

вал за идею. Довольно быстро прятки эти ему надоели, и с фарцы он «спрыгнул», ушел. Снова стало тоскливо. Но возвращаться к жвачке и джинсам он не хотел. Мелко плавать – какой интерес?

Спустя полгода, когда он совсем отчаялся и загрустил, давний приятель, еще с «Интуриста», красавчик Анзор, посвятил его в свой новый бизнес – он со товарищи «ломал» валюту у форинов (иностранцев) и валютные чеки у скромных советских тружеников, вернувшихся из заграникомандировок у той же «Березки». Серега оживился и принялся уговаривать Анзорчика взять его в дело. Но для начала предстояло освоить эту нелегкую, щекотливую и тонкую профессию. Он оказался способным учеником и уже через пару месяцев пас форинов в гостинице «Украина».

Боялся? Конечно! Статья-то валютная! Да плюс мошенничество – хватит с лихвой. И никакой дедушка ему не поможет.

Но здесь он нашел тот кайф и тот драйв, которых ему так не хватало. Дело было, конечно, рискованное, однако сладкое очень. И Серега ожил.

Конечно, похожая на капризную кошку продавщица Ларочка, торговавшая в киоске меховыми шапками из норки и лис, глянцевыми матрешками с одинаковыми глупыми лицами, икрой и прочей чепухой, была в доле. В доле были и гостиничные менты – Вовик и Славик. И все-таки это был риск!

За первый год новой деятельности у Сереги появилось столько денег, вот только потратить их было абсолютно некуда. В Советском Союзе с этим были проблемы. Тряпки? Да бросьте. Этого добра у него было навалом. Все атрибуты красивой жизни имелись. Что дальше? Поехать отдохнуть? Широко, с размахом, с шампанским, черной икрой и девочками? Ну да. Хотя «за пределы», как говорила его матушка, вход был закрыт. Оставались Сочи, Пицунда и Ялта – вот и вся география. Ну там, конечно, гуляли, отрываясь по полной. И все равно мелкоовато. Его поделньники и напарники, тот же красавчик Анзор, ощущали себя королями мира. А Серега снова скучал. Днем – «работа». Это хоть как-то бодрило. Вечером – кабак и девочки. Ночью – девочка, лучше «свежая». Девочки были лучшие. Но день был похож на день, а месяц на месяц. Словом, тоска.

Серегины подружки менялись как перчатки – похожие друг на друга как родные сестры, они манерно вытягивали губы, потягивая коктейль, с шумом выпускали сигаретный дым и жадно оглядывали наряды соперниц. Они были ушлые, жадноватые, замуж хотели за иностранцев, а романы крутили с фарцой. Встреча с Милочкой поразила его – он быстро оценил ее наряд и увидел растерянность и смущение в ее глазах. Она явно была не из тех, с кем Серега «крутился». «Хороша!» – подумал он, углядев в той шумной компании Милочку. И, кажется, не ошибся. А уж их первая ночь его удивила – Милочка оказалась к тому же девственницей.

Во дела! Неужели такие остались? И все ей было в новинку – и мятный ликер, и сигареты «Кент», и гусиный паштет из крошечной, словно игрушечной, баночки. И английский шампунь, пахнувший морем, и душистое французское мыло.

Серегу наблюдал за ней и продолжал удивляться: Милочка была до смешного наивна и не искушена. Анахронизм. Ископаемое. Атавизм, пережиток. А уж ее красота, чистая и наивная, робкая и не наглая. «Чукча какая-то, – думал он. – И откуда?» И Серега влюбился. Циник Серега, скептик Серега. Искушенный, избалованный, грубый, жестокий Серега. Смелый, безбашенный Серега по кличке Шалый. Кличка ему подходила. Милочкина наивность и скромность, ее вечное стеснение и смущение подкупали и в который раз его удивляли. К тому же она ничего не просила. Все просили, а она нет. Чудеса. Он такого не видел. Только вспыхивала, сжималась вся, когда он бросал на диван подарки – яркие пакеты со шмотками, французские духи, итальянскую обувь. А уж когда под зиму широким купеческим жестом бросил на пол в прихожей пушистую шубку, Милочка расплакалась, закрыв лицо руками... Так, что он ее утешал.

А для Милочки... Милочка ахнула и бросилась, словно в волну, в бушующее море, в эту новую и прекрасную жизнь. Жизнь, о которой она столько мечтала. Но не это было главное – не тряпки, не духи и не рестораны. Главным был Шалый, ее Серега. Потому что она его очень любила. Так любила, что было страшно.

И часто щемило сердце.

С работы она ушла – настоял Сергей. «Зачем тебе, милая? Ты нужна мне всегда, постоянно. Зависеть от твоего графика? Нет, извини!» А разве Милочка сопротивлялась? Да ни минуты! Через месяц после знакомства она, не задумываясь, перебралась на Патриаршие. Мама, конечно, плакала:

– Кто он, что он? Милочка! Да как же?

– Что? – резко перебивала Милочка. – Что тебя не устраивает?

– А вы распишетесь? – робко спрашивала мама. – Ну чтобы по закону.

– По какому закону, мама? – злилась Милочка. – Лично нам на ваши законы глубоко наплевать!

– Не по-людски все это, – приговаривала мать, горестно качая головой. – Не по-людски!

– А ты живешь по-людски? – вскидывалась дочь. – А бабушка Нюра жила по-людски? А тетя Галя? А Марь Иванна? Эта ваша убогая жизнь – по-людски?

Милочка перебирала свои вещи и со злостью откидывала их в сторону – зачем брать эту дрянь туда, в новую жизнь? Зачем ей это дерьмо? Эта дешевка?

Ничего не взяла. Мать не обняла и не поцеловала – пусть тоже призадумается, может, дойдет? Хотя что там у этой курицы в голове? Ясно же – одна солома.

Спали до обеда. Нехотя поднимались – Серега бывал по

утрам мрачен и неразговорчив, молча пил кофе и листал журнал, шел в душ, а уж после этого приходил в себя – настроение менялось у него моментально. Только что сидел мрачный и молчаливый Серега, которого ни за что нельзя было трогать – Милочка уже это поняла, – а из душа возвращался совершенно другой Серега, улыбающийся, хохмящий, родной. Быстро собирался и уезжал «по делам». По каким, она не спрашивала. Заявлялся к вечеру.

– Ну, ты готова?

Милочка была готова. Всегда. И начинались карусель и круговерть – ресторан, валютный бар, гости, шампанское, кофе, коньяк. Снова кофе. Возвращались под утро – еле держались на ногах.

Конечно, Серега одел ее, как королеву, во все новое. Приносил шуршащие пакеты с заморскими вещами: платья, блузки, юбки, брюки, белье. Французские духи – пять флаконов на полочке в ряд. Часы, браслет, сережки, колечки. К следующей зиме появилась вторая шубка – теперь из ондатры. Милочка заблестела. Засверкала как елочный шар, прекрасная, стройная, юная Милочка. Теперь она замечательно разбиралась в винах и коньяках, в черной икре – зернистая, паюсная, севрюжья, осетровая, белужья. Она оказалась хорошей и толковой ученицей – Сергей ею гордился. И кстати, был в нее сильно влюблен, пожалуй что, в первый раз так ему снесло голову.

А Милочка? Сначала он сомневался – странная она, его

женщина. Для других, для чужих и посторонних – прохладная, спокойная, высокомерная, равнодушная. Снежная королева. Со всеми, но только не с ним! Его-то она любит. С ним она другая. Да что сомневаться? Ему-то, с его жизненным опытом, с его чуйкой и интуицией. Вспомнить их ночи, ее слова, ее руки. Ее глаза поутру. И все станет ясно. Да и потом, Серегу обмануть было трудно – волчья хватка, орлиный глаз, собачье чутье. В этом ему не откажешь. И на всю жизнь запомнил.

– Я буду любить тебя вечно, – среди ночи прошептала Милочка. Понятно, что среди ночи! А когда говорятся такие слова? Он все понимал. И знал цену словам, особенно бабьим. Но здесь поверил.

Он по-прежнему заваливал ее подарками, возил на море, брал билеты на пароход в самую большую и дорогую каюту. Останавливались они в лучших гостиницах, в самых дорогих номерах. Для них играли музыканты в самых дорогих ресторанах – Серегу знали все и везде. Его уважали. За что? За ловкость, смелость, за хитрость. И еще – за щедрость. В том мире это ценилось. И Милочку знали – как его женщину.

К матери она заезжала раз в месяц – привозила продукты и деньги. Мать охала, всплескивала руками, перебирая красивые баночки с деликатесами, и снова пугалась:

– Господи, Милочка! Такое богатство! И откуда все это?

– Оттуда, мам! – закатывала глаза дочь. – Ты что думаешь? Все стоят часами за мерзлой картошкой?

Деньги мать брать отказывалась, и Милочка подкладывала их в сервант.

Их с Серегой сладкая, счастливая и веселая жизнь продолжилась три года. И закончилась в одночасье – Серегу «приняли», взяли. Арестовали. Растерянная Милочка бродила по огромной темной квартире и не понимала, что же ей делать. Вскоре пришел участковый и невежливо попросил ее убираться.

– Прописаны, гражданочка? А ну-ка, позвольте паспорт!

Испуганная Милочка кое-как собралась, побросала в чемодан, что попало. Пришлось вернуться к маме. Та, увидев ее с вещами, всплеснула руками и, конечно, заплакала.

– Выгнал? Вот ирод! Я же тебе говорила!

Милочка, не говоря ни слова, отодвинула ее, прошла в комнату, легла на кровать и закрыла глаза. Что теперь делать, как жить? Этого она не понимала, и ей было страшно. Как жить без Сережи? Две недели пролежала на диване, уткнувшись лицом в стену. Мать умоляла поесть – Милочка вяло отмахивалась и выпивала пару глотков сладкого чаю. В голове было пусто – ни одной мысли. Спать, спать. Забыть все, что было, а лучше всего умереть. «Это был сон, – повторяла она про себя. – Прекрасный и сказочный сон. Потому что взаправду так не бывает!» А может, это и вправду ей приснилось? Квартира на Патриарших с шелковыми обоями, ванная с мраморными полами, шампанское и белужья

икра. Тихая музыка в ресторане – для нее, для Милочки, загадочно, хрипловатым голосом поет по-французски щуплый певец со странной кличкой Цыпа. Это ей, Миле Ивановой, цветочница подносит огромную корзину белых роз и приседает в неловком реверансе. И Милочка снова ощущает себя принцессой. Это ее, Милочку, ждет сюрприз в ее день рождения – вот он лежит на краю подушки, узкий бархатный синий футляр, который страшно открыть. Но она открывает. И тут же солнце «приседает» в открытую коробку и начинает так радостно и игриво бликовать, что Милочка невольно замуривает глаза. В футляре браслет. В браслете – бриллианты. Сколько их там, господи... Поди сосчитай.

Поездка в Суздаль – милый городок, где пахнет покоем, стариной, медовухой, шибавшей в нос, свежим снегом и мочеными яблоками. Они с Серегой выуживают их прямо из бочки, и сладкий, ядреный сок течет по рукам – ох, как вкусно. И очень весело. С Серегой всегда было весело... И упряжка, русская тройка, несет их вдоль темного леса. И звенит колокольчик – тонко и жалобно. И дрожит прозрачный воздух, и у нее снова захватывает дыхание – от щипучего мороза, от невозможного счастья. Теперь она не принцесса – молодая купчиха со своим миленьким.

Пляж в Гаграх – ей нравится теплая, мелкая, серая галька, а Серега злится – он любит песок. Про песок она ничего не знает – на юге в первый раз. Она осторожно заходит в море, и вода почему-то ее обжигает – она уже обгорела на солн-

це. Милочка громко охает и вскрикивает, а Серега над ней смеется. Он часто над ней смеется. Но ей совсем не обидно. После пляжа она гуляет по городу – у Сереги свои дела, важные деловые встречи. А она глазееет на пальмы – господи, пальмы! Настоящие пальмы! Трогает жесткие и колючие листья агавы, наступает на упавший инжир – вся мостовая усыпана крупными желтыми ягодами. Ой, как жалко. Столько добра. Бредет вдоль колоннады, не замечая восторженных мужских взглядов и не слыша прицокивания языков – она давно к ним привыкла, что замечать? Садится на скамейку в парке и любитесь розами – их тут много, всех цветов и сортов – красные, бордовые, бледно-розовые, белые, желтые. Запах вокруг такой приторный и густой, что у нее начинает болеть голова.

Серега ждет ее в номере. Она быстро меняет туалет.

– Надень то красное платье! – просит, скорее, даже требует он.

Она надевает платье – узкое, в талию, из струящегося трикотажа, с легкой блестинкой. Итальянское. Туфли на каблучке, яркая помада – в тон платью.

Он лежит на кровати и неотрывно на нее смотрит.

У него странный и немного пугающий взгляд – застывший, стеклянный.

– Сережа, ты что? – испуганно спрашивает она.

Он молча кивает и подзывает ее рукой.

Она подходит, и он резким движением опрокидывает ее

на кровать. Через какое-то время она пытается восстановить прическу и снова приводит себя в порядок. И дальше ресторан «Гагрипш», сказочный деревянный дворец. Стол уставлен яствами – и как все это съесть? Невозможно. И льется красное вино – терпкое, сладковатое, с одуряющим ароматом спелого винограда.

И ей лично, Милочке Ивановой, нищей девчонке, выросшей в грязном бараке, важный, напыщенный метрдотель, похожий на короля, объясняет, что это место любили и Чехов, и Шаляпин, и Максим Горький, и Иван Бунин. И даже сам царь. Рассказывает и то, как сделан «дворец» – без единого гвоздя, из скандинавской сосны и привезен в разобранном виде. Он ведет ее на балкон, и оттуда открывается сказочный вид на весь город. Милочка замирает от восторга – неужели это все происходит с ней наяву? Ночью она просыпается – очень хочется пить – и видит, что Сереги нет рядом. Значит, опять дела. Какие? Он ничего не рассказывает. Ей, конечно, интересно но она его не тербит вопросами – знает ответ: не женское дело, меньше знаешь – крепче спишь. Все, конечно, так, но немного обидно. Он приходит под утро – только начинает светать. Злой и пьяный, здорово пьяный. Рвет рубашку, и мелкие пуговицы сыплются на ковер. В испуге Милочка отползает к стене, а Серега, не говоря ни слова, падает рядом, и тут же раздается его пьяный, лающий храп.

Делать нечего – сна как не бывало. Она осторожно встает – хотя его и пушкой не разбудить – и собирается на пляж.

На улице еще почти темно и серо.

На пляже очень холодно, и она, укутавшись в полотенце и свернувшись в комок, засыпает. Возвращается только к обеду. Серега проснулся, сидит на балконе и пьет пиво. Лохматый и злой. Потом проговаривается – играл в карты. Просадил кучу «капусты» – это его слова. «Развели как лоха, – добавляет он. – Зверски болит голова и хочется жрать». Милочка дает ему таблетку и приносит из ресторана еду. Он ест жадно, руками. Мясной сок течет по подбородку, руки в томатном соусе. Неопрятно и совсем не похоже на ее Серегу.

Но, поев, он приходит в себя и начинает шутить.

– Прорвемся, Милка! – смеется он. – Что нам, бабок не хватит? На всю нашу жизнь? А не хватит – слупим еще! Да, малыш?

Милочка кивает и про себя радуется: «На всю нашу жизнь»! Значит, он собирается прожить с ней всю жизнь? «Я буду любить тебя вечно! – с восторгом повторяет она про себя. – Ты мне веришь, Серега?» И все налаживается, и опять все прекрасно.

Однажды они пошли в кино – для нее это праздник, обычно она ходила в кино одна. Серега, конечно, зевал и говорил, что фильм – полная глупость, в жизни так не бывает. Милочка тихо спорила и жарко убеждала его, что бывает – бывает любовь до гроба, и ожидание любимого из тюрьмы, и десятки лет одиночества.

– Так бывает! – повторила она и слегка обиделась. – Зна-

чит, и мне ты не веришь?

Долгим, пристальным, внимательным взглядом он посмотрел на нее, словно видел впервые, и улыбнулся:

– Эх, Милка, не знаешь ты жизни!

– Лично я, – тихо ответила она, немного смутившись, – лично я тебя бы ждала. Ждала бы, сколько надо – десять лет, двадцать... Ты мне не веришь?

Сергея засмеялся:

– Не-а, не верю! Вот ни минуты не верю!

И она начала плакать – так это прозвучало обидно. И почему он ей не верит? Ну почему, почему? Вспоминая все это, Милочка тихо, беззвучно и горько заплакала. Свернувшись в комочек, заскулила, как щенок.

Через пару недель она встала. Кое-как умылась, расчесала волосы и поела – жадно прихлебывая и причмокивая. Съев кастрюльку «нищего» супа – картошка, морковка, пшено, – добавила тарелку серых, разваренных макарон и выпила две чашки сладкого чая с печеньем.

Мать смотрела на нее не дыша, словно боялась спугнуть это счастье. Потом Милочка, не сказав матери ни одного слова, быстро оделась и вышла на улицу. Бабки у подъезда проводили ее молчаливыми и жалостливыми взглядами. И только потом, когда она скрылась за поворотом, громко и жарко, торопливо перебивая друг друга, принялись ее обсуждать. Беременная, что ли, Веркина девка? Али бросил жаних? По-любому – горе, что тут говорить. И дружно вздох-

нув, замолчали, пожеывая губами, – у всех было что вспомнить. Жизнь всех покусала.

Милочка поехала к Анзорчику. Он был дома, но, открыв дверь, долго раздумывал, приглашать ли неожиданную гостью в дом. Вздохнув, наконец пропустил в коридор. Глаза прятал.

– Да ничего я не знаю, Мил! Ну честное слово! – Ну а потом признался: – Да, сидит. Да, дело плохо. Дед свалился с инфарктом. Прилетела из Лондона мать. Ходит, стучится, бьется во все двери, куда только можно. А помогать не хочет никто – кому это надо? Статья-то светит валютная, страшная. Кому охота мारаться? Свидание? Да ты что, одурела? Кто тебе даст? Ты ему же никто! Передачи? Да за это ты не волнуйся – мать все приносит. Письмо? А как я его передам? Через мать? Нет, подруга, это – сама. Со мной разговаривать она не станет. Все причитает, что это мы, друзья, сбили ее честного мальчика с верной дороги. Смешно, правда? – И Анзорчик весело рассмеялся.

Милочка вздрогнула и нажала кнопку лифта.

Поехала на Патрики. Долго звонила в дверь – не открывали.

Наконец дверь приоткрылась.

– Вам кого, что вам надо?

Милочка что-то залепетала, а растрепанная женщина в темном халате ее перебила:

– Все это меня не волнует! Подруга Сергея? Да ради бога! У него этих подруг... Какое письмо? Вы что, обалдели? Нам

сейчас не до вашего письма. Вы что, не в себе? Не понимаете? И вообще не до вас. Идите домой и не лезьте в нашу семью!

Дверь захлопнулась, Милочка медленно пошла прочь. Она еще долго металась по знакомым – в поисках любой информации, любого известия. Все тщетно.

Позже узнала – был суд, осудили. Дали пятерку – как повезло! По восемьдесят восьмой – и пятерку! Удача. Конечно, мать, конечно, дедовы связи. Правда, дед помирает – это его подкосило. Да и мать еле жива. И у папаши карьера накрылась.

Ей было наплевать и на деда с повторным инфарктом, и на «еле живую» мать, и на карьеру отца. Пять лет! Всего-то пять лет! Какая ерунда, какая чепуха! Они пролетят – и не заметишь. И Милочка воспрянула духом. «Какие пустяки – пять лет! – без конца повторяла она. – Конечно, я его дождусь, это даже не обсуждается. И мать его меня поймет, и мы с ней подружимся! Я поеду туда, на зону, к нему. А кто мне запретит? А там мы поженимся – я слышала, так бывает». Жизнь снова обретала смысл. Милочка ожила.

Пришла к его матери еще раз. Та, кажется, постарела еще лет на тридцать. Смотрела на нее невидящим взглядом – не узнавала. А потом вздрогнула:

– А, это вы... Подождите. – И вынесла листок бумаги: – Это, кажется, вам.

Милочка схватила его и бросилась вниз по ступенькам.

На крыльце развернула.

Там было всего пару слов: «Не дергайся и ничего не принимай – сделаешь хуже. И вообще, живи, как будто ничего не было. Устраивай жизнь. Значит, такая судьба. Больше ты мне не нужна. Все забудь».

Все. Брела куда-то, куда ноги несли, и редела. Споткнулась, упала, разодрала в кровь колени. Поднял какой-то мужчина:

– Девушка, помощь нужна?

Мотнула головой и дальше пошла, еле передвигая ноги. В голове гулко стучало: «Сделаешь хуже. Устраивай жизнь. Ничего не было. Больше ты мне не нужна. Все забудь».

Как это – не было? Милочка остановилась. Не было? Да вы что? Это же жизнь была! Самая настоящая жизнь! Это до Сереги у нее ничего не было! Вычеркнуть, перечеркнуть? Забыть все, что было? Она оторопела, наконец осознав. Он от нее отказался. Вот так просто: забудь – и все! Он-то, наверное, уже забыл.

И тут подступила обида: ты со мной так? Ну хорошо. Значит, и я так же.

Правильно, надо слушаться маму: нельзя себя в такие годы в землю зарыть. Закопать, со всей своей красотой, юностью, нежностью, горячими руками и губами, гладким телом, крепкой грудью.

Мама плачет ежевечерне:

– Доченька, хватит себя убивать! В жизни такое бывает –

ты мне поверь!

Глупая мама думает, что Милочку бросил парень. Если бы так. Ее не бросили – ее предали. А предательства она никогда не простит.

Глянула на себя в зеркало – страшная, господи! Чернота под глазами, нос острый, как у покойницы. Волосы тусклые, тощая – просто баба-яга.

Нет, так не пойдет. Я бы тебя ждала, Серега. Я бы все сделала. Передачи бы тебе возила, ждала тебя. Сколько надо ждала бы.

Да там бы, на краю зоны твоей, поселилась! В крестьянской избе. Черт с ней, с Москвой! Лишь бы видеть тебя, знать, что ты где-то здесь, совсем рядом. Но ты не захотел. Ну значит, так. У всех своя судьба, ты прав. У тебя – такая, выходит. А у меня будет другая. Назло тебе, милый. Назло, любимый, тебе! «Я буду любить тебя вечно!» Какая же я дура! Наивная глупая дура!

Теперь она знала, куда пойти – друзей было много. Это им с Серегой никто был не нужен – спешили остаться одни. Правда, были ли это друзья – вопрос.

И закружилась жизнь – опять закружилась. Квартиры, бары, кабаки. Гремящая музыка, танцпол, коньяк, сигареты, незнакомые лица. Шум, грохот, громкий натужный смех. Чужие жесткие руки, плечи, глаза. Чужой запах. Все чужое. Ненужное. И ненавистное. До тошноты.

Короткие поездки – спонтанные, внезапные, глупые.

Вдруг кто-то объявлял: «А не махнуть ли нам, братцы?» Все оживлялись: «Махнуть? Да раз плюнуть!» И поднимался спор – куда. Предлагали ленинград – он ближе всех. Потом – Ригу, Вильнюс, Ташкент или Сочи. Два – от силы три дня. Так, проветрить мозги.

Желающие тут же шумно и быстро собирались, подбадривая друг друга и посмеиваясь над собой, и спешили на вокзал или в аэропорт. Билеты были всегда – знакомые кассирши все устраивали по звонку или за «красненькую».

Иногда получалось не очень. В апреле рванули в Ригу, в Москве уже было тепло, а там – ноль и снег. А все одеты кое-как – джинсы, юбочки, майки. Дрожали на ветру, словно цуцики. Сразу отправились в универмаг – бегали по отделам, хватали все подряд и ржали как сумасшедшие, напяливая на себя теплые фуфайки и куртки. Блондинистые продавщицы с холодными каменными лицами смотрели на весь этот зоосад и не думали улыбаться. Рассмеялась одна – самая юная, совсем девочка. А следом прыснули остальные – ну вы страшный десант, москвичи! На такую наглость способны только вы, это точно. Оккупанты.

Мотались потом по городу клоунами – в нелепых, не по размеру одежках. Разместились, конечно, в «Интуристе» – деньги-то позволяли отсыпать швейцару червончик и тетке-администратору с пышной бабеттой на голове «фиолетовую» – двадцатьпятку.

Гостиничная благообразная публика, включая иностран-

ных гостей, смотрела на этих чудиков во все глаза – и чего не бывает?

Но к вечернему ужину этикет был соблюден – девицы надели то, что успели уцепить в валютном «Альбатросе», и зашли королевами. Присутствующие ошарашенно оглядывали красоток на длинных ногах и растерянно переглядывались – такой концентрации красивых девушек здесь еще не видел никто. В Ленинграде останавливались в «Астории» – не меньше. Ненадолго заглядывали в музеи – так, пробежаться по залам. Дальше по антикварным – поглазеть, и в кабак. Славилась тогда «Кавказ», «Европа», «Невский». Для смеха и прикола забегали и в «Минутку» – лучшую пирожковую в городе.

А вот в Ташкент летали поесть – точнее, пожрать, уж извините. Приезжали на сутки – и сразу в «Яму». Так назывался старый район, где стояли частные дома. Почти в любом дворе был накрыт стол и дымились мангал и тандур. Калитки были открыты. Усаживались за большой стол, покрытый дешевой клеенкой. Из дома выбегала крикливая детвора и степенно выходили молчаливые женщины. Ставили на стол горячие лепешки, подавали чай и фрукты. А в это время мужчина-мангальщик или пловщик начинал колдовать. По двору, над столом и пышными чинарами, поднимался дымок, и разносились невозможные пряные и острые запахи.

Подносились расписные блюда с дымящимся пловом, золотым от моркови, и румяные, блестящие от жира шашлыки.

В сине-золотых пиалах переливался на солнце лагман или чучвара. Запивалось все это крепким и душистым ароматным горячим чаем. Наевшись так, что ни встать, ни вздохнуть, отправлялись на послеобеденный отдых – девушки в доме, парни во дворе, под чинарами, на матрасах и подушках. После тяжелого сна снова чай и – дорога в аэропорт. Отвозил, как правило, сам хозяин двора. Стоило все это копейки. По дороге прихватывали фрукты – сочные персики, огромные золотистые груши, юсуповские помидоры размером с мужской кулак, орехи, курагу, чернослив, вяленую дыню.

Гуляли.

В Таллин ездили посмотреть на красивую «заграничную» жизнь – тогда Прибалтика казалась Европой.

А однажды рванули в Грузию – с трудом уговорили сильно упирающегося Анзорчика. Тот выглядел растерянным и смущенным и когда к трапу подали черную «Волгу», и когда лимузин с кавказским отчаянным шиком подкатил к особняку в центре Тбилиси. И когда хмурый человек с небритым лицом открыл перед ними, притихшими, высокие, мощные кованые ворота. А уж когда они очутились во дворе особняка – а это точно был особняк, настоящий, с колоннами и мраморными портиками, то и вовсе лишились дара речи. Увидели деревья, усыпанные лимонами, и огромные пышные кусты роз. Зашли в дом – холл, камин, деревянные темные резные потолки, бронзовые светильники, словно из рыцарских

веков. Это была новая, совершенно незнакомая им роскошь. Растерянно переглядывающиеся, они не знали, как вести себя дальше. А после был обед в огромной столовой со стенами, обитыми изумрудным шелком. Подавали две женщины в черных платках и черных, строгих платьях. Все – молча, без единого слова.

Обедали они в полной тишине – обалдевшие, ничего не понимающие, растерянные. Молчал и смущенный Анзорчик, пояснений не давал, лишь изредка предлагал закуски.

– Это пхали, – объяснял он, не поднимая глаз. – Очень вкусно, попробуйте! А это – чакапули, ягнятина с травами и кислыми сливами.

К вечеру, порядком уставшие и объевшиеся, расположились в огромной бильярдной. Девушки дремали в креслах, а парни вяло гоняли шары. Дверь распахнулась, и в бильярдную тяжелой поступью зашел высокий и полный мужчина в черном костюме и поскрипывающих блестящих ботинках. Его холерное, красивое, жесткое лицо казалось непроницаемым.

Окинув комнату невозмутимым взглядом, с неожиданной улыбкой кивнул:

– Добрый вечер, дорогие гости! Милости просим!

Публика вздрогнула, переглянулась и с готовностью закивала:

– Да, да, спасибо! А мы-то как рады! А вкусно как у вас! А дом какой! Ну просто дворец!

Улыбка сползла с его лица, он снова обвел честную компанию своим тяжелым, неторопливым взглядом, остановился на Анзорчике. Со вздохом кивнул:

– А ты иди сюда! Слышишь?

Анзорчик, вжавшись в огромное кожаное кресло, не поднимая глаз, вяло кивнул, нехотя, медленно встал и так же медленно, обреченно поплелся за важным дядей.

– Народ! – подал голос кто-то. – А что это значит?

Начались предположения – это, скорее всего, папаша Анзорчика. Ну или дядька. Точно из близких, родня – это понятно. Кто он есть? Хозяин мандариновой плантации? Эту версию отмели – мандарины растут в Абхазии, как авторитетно заявил кто-то из присутствующих. Хозяин коньячного или винного завода? Помолчали, обдумывая. Да, похоже. Цеховик? И это возможно. Кто-то засомневался – цеховик вряд ли. Они так, в открытую, богатство не выставляют, даже здесь, в Грузии. Хотя здесь все возможно.

А потом дошло – дяденька важный наверняка из партийных боссов. Вот ему и позволена вся эта роскошь. Кавказ – все напоказ. Потом притихли, пригорюнились – ждали Анзорчика с объяснениями. Он появился спустя пару часов, поникший, вялый, растерянный и смущенный – видно, получил от важного хозяина особняка нагоняй. И объяснил:

– Да, это папа, ага. А я что, виноват? Да, партийный бонза, а что? Я-то при чем?

– Ну и куда теперь? – тихо спросил кто-то. – В аэропорт?

Анзорчик замотал головой и замахал руками:

– Что вы, при чем тут вы? Гость – это святое! Остаемся тут, папа будет рад.

Правда, последнее, надо сказать, вызывало сомнения, и у самого Анзорчика, кажется, тоже. Постановили голосованием – остаемся до завтра, а там будет видно. А на завтра все успокоились и забыли про важного хозяина – поехали на двух машинах на Куру – по здешнему Мтквари. Купались в бурной и холодной речке и ели сочные шашлыки в придорожном шалмане. Милочка спросила у Анзорчика:

– А как так вышло, что ты фарцуешь? У тебя же все было? Да не просто все – больше, чем все?

Она искренне не понимала – этот дом, эта прислуга, эта машина?

И Анзорчик, «ломающий бабки» у «Березки»? И ментура, и ожидание самого страшного? Зачем?

Анзорчик криво усмехнулся и кивнул:

– Права, Милка! Только... – Он замолчал и продолжил: – Только надоело мне это все, понимаешь? До тошноты надоело! Мама умерла, когда мне было пятнадцать. И жизнь вообще... – Анзорчик громко сглотнул. – Вообще жизнь тогда кончилась... Для меня. Отца я никогда не любил – ну, ты и сама все видела. Не любил и презирал. К маме моей он относился паршиво. Сволочь, короче. Да и дружки его все – такие же твари. Коммунисты. И все воруют. Все взятки берут. Я их всегда ненавидел. Да, здесь у меня все было. И даже боль-

ше, чем все. Ты права, Милка! Но мне захотелось свободы, и от него в первую очередь. Ну я и свалил в столицу. Денег он мне не давал – решил посмотреть, как я буду от голода погибаться. Да и я братъ не хотел – помнил обиды за маму. Он потом подсылал ко мне то своего секретаря, то лучшего друга. Просил, чтоб я вернулся. Умолял. А я отказывался. Я вольная птица! – И вдруг Анзорчик рассмеялся: – А я не загнулся, как он мне обещал!

– Назло ему, я поняла, – кивнула Милочка.

– И это тоже, – подумав, согласился Анзорчик. – И еще назло себе! Скучно было – как на кладбище жил. А тут...

– Стало весело? – горько спросила Милочка. – А Сереге моему весело особенно.

В общем, поговорили. И все-таки она не понимала – ни Анзорчика, ни Серегу. И чего им не хватало, господи? Дураки. Да если б у нее были такие родители...

* * *

От знакомых она кое-что знала – Серегин дед умер, не вынеся позора. Мать курсировала из больницы в больницу, отца с дипломатической службы сразу же выперли, и теперь он тихо спивался. К Сереге пару раз съездили друзья, но все довольно скоро о нем забыли. Все, кроме нее, Милочки. Ее не отпускали ни боль, ни обида. За что он с ней так? Почему отверг ее любовь? Пожалел? Ее пожалел, ее молодую жизнь?

Нет, вряд ли. Серега – большой эгоист.

От матери она вскоре съехала – у блондинки Марины, ее приятельницы, появился богатый сожитель, оперный певец из Узбекистана. Он поселил Маринку в роскошную хату на Полянке – хрустальные люстры, персидские ковры, бархатная мебель. Чья была хата, непонятно, но здесь вопросы не задавали. Узбек приезжал пару раз в месяц. Шофер затаскивал тяжелые корзины со снедью: темные помидоры, свежие огурцы среди зимы, пучки ароматной зелени, освеженные туши молочных ягнят. Пряные и невероятно приторные и жирные сладости, истекающие соком персики, груши и прозрачный виноград. Бутыли со сладким вином и терпким коньяком, банки с икрой и гладкие, блестящие рыбины – осетры, лосось. Маринка сидела среди этого великолепия как принцесса в гареме. Узбек ее обожал, но жизнь ее сладкую и разгульную прекратил. Теперь она не выходила из дома, объедалась, пухла, как на дрожжах, и очень злилась.

Милочка приходила к ней в гости, естественно, когда Падишаха – так Маринка называла любовника – не было дома.

Маринка жаловалась:

– Зачем мне это? Нет, ты ответь – зачем? Жопу я себе уже отъела – смотреть противно. Сажу тут в четырех стенах и дурью маюсь. Нет, уйду я от него, уйду! Он, конечно, хорош – щедрый, веселый. Денег дает, цацки горстями возит. Только куда это мне? Ходить-то некуда! Надену все это – вон, шкафы ломаются – и в зеркало пялюсь. На рожу свою разжирев-

шую. А он говорит: «Маринка! Ты ж у меня хорошеешь день ото дня!» Представляешь? – И Маринка жалобно всхлипывала.

Милочка понимала: и вправду, не жизнь. Клетка и есть клетка – пусть и золотая. Только кому это надо? И шкафы, полные тряпок, и коробки с восточным золотом – блескучим, красно-розовым, купеческим. Но советов не давала – у нее был свой интерес. Конечно, квартира! Жила она в Маринкиной однокомнатной у метро «Спортивная» – не центр, конечно, но район приличный. Квартирка чистенькая, хоть и небогатая, – красота. А уйдет Маринка от Падишаха? Куда возвращаться? К маме в поселок?

* * *

Милочке снова стало невообразимо скучно. Нет, в выходные было отлично – жизнь кипела, это да. А когда гульба затихала, тоска подступала острее – Милочка маялась в одиночестве: скука, тоска и печаль стали ее подружками, тремя вечными спутницами. И тремя мучительницами.

Сердце разбито. Время идет. И – ничего. Ни-че-го.

Именно тогда, кажется, это был сентябрь – да-да, сентябрь, – они собирались в Пицунду всей не самой честной компанией – к ней на улице подошел приятный мужчина. Представился:

– Алексей Алексеевич, модельер. Конструктор одежды.

Знаете, что это?

Милочка усмехнулась и почти сразу поверила – мужчина был модно и хорошо одет, гладко выбрит и очень ухожен: маникюр, дорогой одеколон, ухоженная, гладкая кожа.

– Модельер? – усмехнулась она. – Я за вас рада. И? Что дальше?

Мужчина тихо и мягко рассмеялся:

– Имею, так сказать, интерес к вашей прекрасной фактуре.

Модельер и конструктор пригласил ее в кафе поблизости – дурацкое кафе-мороженое, где сидели мамы с детьми, – круглые шаткие столики, металлические вазочки с мороженым, лимонад и жиденький кофе.

Сели и начали разговор. Он предложил ей работу: «Да, манекенщицей. А что тут такого? У нас прекрасные девочки! Чудные просто. И замечательный коллектив».

Пока новый знакомый разливался соловьем, Милочка думала, что все он, разумеется, врет. Слышала она про расчудесных девочек, готовых вцепиться друг другу в глотку. Про замечательный коллектив, где все друг на друга стучат. Ну и про все прочее – богатых и влиятельных любовников с самых верхов, про дорогие подарки, про командировки, про райкомы партии, про склоки и непрекращающиеся войны.

Но ей было так скучно и так пусто.

Милочка задумалась. «В конце концов, а чем черт не шутит? Может, стану звездой? Или просто чем-то займусь, а

то окончательно чокнусь, как Маринка, от скуки. Да и денег почти нет – откуда деньги? То, что осталось от Сереги, почти уже все проела. И в ломбард нести уже нечего, и занимать у друзей неудобно».

Сквозь сумбур, творящийся у нее в голове, услышала:

– Денег, конечно, у нас много не платят, но, вы ж понимаете, льгот предостаточно! – И он, вздохнув, развел руками и улыбнулся.

– Я подумаю. – Милочка резко поднялась.

– Только недолго! – Новый знакомец игриво пригрозил ей пальцем. – Не упустите свой шанс!

Милочка усмехнулась.

– Я же сказала – подумаю!

Он протянул ей узкий и плотный кусочек бумаги.

– Визитная карточка. Здесь вся информация.

Милочка кивнула, взяла карточку и, высоко подняв голову, направилась к выходу.

Алексей Алексеевич внимательно смотрел ей вслед. «Эта подойдет, – подумал он. – Да, подойдет. Что-то в ней есть, в этой Людмиле. Холодность какая-то, равнодушие. Спокойствие. Ее, кажется, ничем не проймешь. А мне такие нужны. Хватит с меня истеричек. Гонору многовато, конечно, но ничего, жизнь обломает. И не таких, как говорится, на место ставили».

Алексей Алексеевич Божко приехал в столицу из крошечного села Ватуевка, что в Архангельской области. Был он тогда типичным провинциалом – смущенным, зажатым, тихим и вечно голодным, тощим деревенским пацаном с пятнадцатью рублями в кармане. И никто – поверьте, никто! – не разглядел бы в то время в нем будущего лощеного ловеласа с отличными манерами и барскими замашками.

Что делать и чем заниматься – не знал, но надеялся, что большой город выкормит, пропасть с голоду не позволит – так и случилось.

Мотался по вокзалам, разгружал вагоны. Ночь на вокзале – десятка. Хорошие деньги! Можно безбедно прожить всю неделю. Ночевал на «рельсах». Вместе с такими же мыкавшимися без угла ребятами уходили на запасные пути, залезали в пустые вагоны. Летом это хорошо, а вот зимой... Из зала ожидания их нередко выгоняли. Были милицейские и добрые и злющие – как повезет.

Из вагонов тоже кое-что перепадало – зависело от бригадира. Добрый бригадир распарывал мешок и раздавал оттуда «гостинцы» – то арбуз или дыню, то по пакету крупы, то сыпал по кулькам картошку или яблоки. А иногда шиковали – вскрывали ящики и брали консервы, мясные и рыбные, по бутылке вина или конфеты россыпью.

Потом Лешка разжился, снял угол на Преображенке у глухой вредной старушки. Спал на раскладушке, в аккурат у сортира. Зато там он не слышал богатырского храпа хозяйки. И горячая вода и газ были всегда.

Но он загрустил. Не для этой убогой и нищей жизни он рвался в Москву.

Мыкался по углам он недолго. Года через два – два с половиной оказался в постели одной ну очень известной – разумеется, в узких кругах – дамы. С дамой – нет, лучше так: с Дамой этой он познакомился случайно.

В погожие солнечные деньки, будучи свободным от разгрузки вагонов, он выбирался на пленэр с маленьким мольбертиком и тюбиками дешевой акварельной краски. Леша Божко любил рисовать. Пейзажики его были скромными, как он сам, но милыми и искренними. Увлечшись, он не сразу заметил Даму, что стояла за его неширокой спиной. А когда обернулся, то замер. Дама была прекрасна. От нее прямо-таки веяло красотой, роскошью и деньгами.

Она задумчиво посмотрела на доморощенного художника и нежно улыбнулась.

– А у вас получается! Есть в этом что-то такое... – Она задумалась. – Свежее и неизбитое.

Леша Божко вздрогнул и покраснел. Надо бы поблагодарить, но язык словно распух и не шевелился. Он с трудом сглотнул вязкую слюну, кивнул и нарочитым басом прогу-

дел:

– Ну спасибо! Это очень приятно!

Дама звонко рассмеялась, слегка откинув прекрасную голову с легкими золотистыми волосами, и, прищулив глаз, спросила:

– А еще у вас что-нибудь есть?

Леша окончательно растерялся, покраснел словно рак и замычал что-то невразумительное – типа, есть, но мало. Но если надо, так я ж могу и еще!

Дама беспечно махнула рукой:

– Да ладно! Не переживайте вы так!

Он так оторопел, что подумал, а не издевка ли это? Шляется тут без всякого дела и пристает со всякими глупостями! А он уши развесил. Но Дама достала из шикарной красной лакированной сумочки бумажку:

– Здесь мой телефон! Будет нужно – звоните!

Обворожительно улыбнувшись, махнула рукой и быстро пошла по аллее.

Алексей Божко растерянно повертел бумажку в руке: «Дана Валерьевна» было написано там.

Он сложил мольберт, убрал кисти и краски и в тяжелой задумчивости направился к дому. Что это значит: «Будет нужно – звоните»?

Нужно – что? Нет, это все же какой-то бред! Видение. Дана. Дана, повторял он. Имя и то какое, а? Раньше он и не слышал. Ночью, намучившись от бессонницы и неясной трево-

ги, он неожиданно осмелел и решил, что позвонит этой Даче. В конце концов, будь что будет. Ну не съест же она его по телефону! В крайнем случае – пошлет куда подальше. А уж к этому он привычный. Еле дождался утра. В восемь взялся за телефонную трубку, но взглянул на часы и вовремя остановился. Сообразил – такие фифы наверняка спят до обеда. Но к полудню нервишки окончательно сдали, и он позвонил.

Голос в трубке был бодр и деловит:

– Алексей? А, тот, из Сокольников? Художник с мольбертом? Да, разумеется, помню! Я же еще не в маразме! Что вы там мямлите, Алексей? Вас плохо слышно! Послушайте, а вы можете сегодня подъехать ко мне? Ну, скажем, часов в восемь вечера?

Он что-то буркнул в ответ.

– Да? – Ему показалось, что она обрадовалась. – Ну тогда записывайте адрес! Это в самом центре, у Покровских ворот.

Он положил трубку и медленно опустился на стул.

Что все это означало, он не понимал совершенно. Однако сердце подсказывало – ничего плохого и страшного. А что будет дальше... Так дальше мы и узнаем. В конце концов, это – столица! Это – Москва! А здесь случаются разные чудеса. И он в них все еще верит. Алексей долго брился и разглядывал себя в зеркале. Поворачивал голову вправо и влево, растягивал в улыбке рот, сводил к переносью брови, сужал глаза, распахивал их и – размышлял. Он знал, что красавчик. Так его называли еще в школе. Лешка Красавчик – по-

чти кличка. Он стеснялся своих густых и длинных ресниц, больших синих глаз. Пухлого, словно девичьего, рта. Белой и нежной кожи, волнистых и темных кудрей.

Парни относились к нему с пренебрежением. А как еще можно относиться к красавчику? Он был совсем не деревенский, этот Лешка Божко. Даже мать вздыхала, искоса глядя на сына. Удивлялась – и в кого он такой? Но когда Лешка решил уехать из села, за брючину не держала – понимала, здесь такому не место. Не приспособлен ее Лешка для грубой деревенской жизни. Может, в городе повезет.

К визиту к Прекрасной Даме готовился тщательно – постирал и погладил единственную приличную голубую рубашку – знал, что голубое к лицу. Отгладил стрелки на единственных брюках, долго и яростно натирал гуталином ботинки.

По дороге задумался, остановившись у цветочного магазина – идти налегке? Вроде бы неудобно. Подумал и решил – на три гвоздики алого цвета. Ровно в восемь он позвонил в богато обитую дверь. Хозяйка открыла почти сразу – красивая, душистая, воздушная. Фея из сказки. Увидев его, неловко сжимающего скромный букетик, рассмеялась.

– Ох! А вы – джентльмен! – И, отсмеявшись, пригласила пройти.

Откровенно шарить по стенам глазами было неловко. Но он понял сразу – попал во дворец! Подобную роскошь случалось видеть в кино и однажды в театре – купил с рук кон-

трамарку в Малый.

Сели за огромный овальный стол, покрытый бархатной скатертью. Хозяйка, Дана, уселась напротив и, подперши голову рукой, смотрела на него с легкой, почти незаметной усмешкой. Он так был смущен, что не знал, куда деть руки, и прятал глаза.

– А вы голодны, Алексей? – вдруг встрепелась Дана.

Он отчаянно запротестовал:

– Нет, нет! Что вы!

– Ну тогда чай! – кивнула она и легко нырнула в недра квартиры.

Тут он огляделся. Тяжелая хрустальная люстра точь-в-точь как в театре. И как такая не падает? Картины по стенам, под ногами ковры. Да такие, что страшно ступить! Огромное зеркало в человеческий рост. Он мельком глянул на себя и ужаснулся: перед ним предстал неловкий провинциальный юноша, смешной и жалкий. А тем временем Прекрасная Дана накрыла чай.

Он с ужасом глянул на чашку – она была такой изящной и тонкой, что было боязно взять ее в руку. Но справился, взял. И чай был такой, что он поперхнулся, – крепкий, терпкий, ароматный. До сей поры он пил нечто больше похожее на заваренную тряпку или сено. А вот пирожное – маленькое, шоколадное, с прозрачным цукатом – взять постеснялся.

Потом хозяйка попросила его рассказать о себе. Он начал рассказывать про село, про мать, про то, как он любит рисо-

вать – больше всего на свете. Как приехал в Москву. Ну и так далее. Дана смотрела на него с улыбкой и подбадривала взглядом. А он снова терялся и прятал глаза.

– Ну, – наконец спросила она, – и какие планы на жизнь? Алексей, красный как рак, закашлялся и с тихим ужасом поднял на нее глаза.

– Да вот... не знаю. Хотелось бы рисовать, но только кому это нужно? Хотелось бы... устроить, чтобы как-то... работать нормально. Не знаю... – Он вконец расстроился и даже решил сбежать, чтобы прекратить это мучение.

Дана смотрела на него внимательно и наконец кивнула:

– Все так. Рисунки твои никому не нужны – это правда! Художников здесь завались. И пробиться трудно, если ты не гений, конечно! А ты, Леша, не гений, прости. А вот талант у тебя несомненно имеется! Да. У меня глаз наметан – не сомневайся.

Он молча кивнул.

– И что из этого следует? – хитро улыбнулась она.

Он пожал плечами и еле промямлил:

– А я почему знаю... Что я понимаю в вашей столичной жизни?

– А из этого следует, что надо найти что-нибудь такое... – Она задумалась и пощелкала пальцами. – Что еще не так занято, вот! Ты меня понял, Леша Божко?

Он сокрушенно покачал головой, хотя это признание далось ему нелегко. Но подумал: прикидываться не буду, буду

таким, как есть. Выгонит – и слава богу! И вообще – зачем я пришел? Он не понимал, зачем эта красивая и определенно богатая женщина заговорила с ним. И уж совсем не понимал, зачем она пригласила его домой.

Понял позже – Прекрасная Дана скучала. В подругах она давно разочаровалась, в мужчинах тоже. Покойный муж – известный скрипач – был старше ее на двадцать два года. Человеком он был неплохим, но болезненным – гипертоник, сердечник и явный невротик. Сказывалась долгая жизнь в Большом, полная интриг и борьбы. Отпущено счастливой семейной жизни им было немного – всего-то семь лет. Правда, он оставил неплохое наследство.

Не прошло и двух лет, как у нее появился любовник, генерал от космических дел. Это был самый яркий и самый красивый период в ее жизни. Генерал вхож был на самые верха – выше некуда. К тому же был он человеком с богатым духовным миром – коллекционер, страстный меломан и театрал.

Генерал был женат, но от света ее не скрывал – пережив самого генералиссимуса, не боялся уже ничего.

К тому же его тихая и безропотная жена, отстрадавшая и привыкшая к его страстным и долгим романам, давно жила своей жизнью. Дети, внуки, огромная дача, сад, огород и прислуга – вот за ней глаз да глаз! Узнав от дочери про новую любовницу мужа, она махнула рукой:

– Да брось ты, Лена! И сколько их было? И что? Ведь не ушел! И сейчас не уйдет – теперь-то куда, под старость? – И

тут же, без паузы, крикнула кухарке: – Маша! А что там с вареньем? Не перекипит?

Дочь посмотрела на нее с удивлением, но разговор продолжать не стала – безнадежно! Отца она, кстати, не осуждала.

Дане стало жить еще интереснее – друзья любовника-генерала отличались от друзей мужа-музыканта, например, разнообразием. У покойного мужа круг был узкий – коллеги по театру. Сплетни и зависть – почти нескрываемые. А здесь были и творческие люди, и люди науки, и военная элита. Да и забот теперь не было – какие заботы у свободной женщины? Какие обязанности, если ты не жена? Генерал все делал со страстью – работал, отдыхал, ловил рыбу, жарил мясо, читал книгу, слушал музыку и – любил Дану. Нет, не любил. Он ее обожал, понимая, что эта песнь – лебединая.

Генеральское жалованье было таким, что его хватало на всех – и на жену, и на детей, и на любимую женщину. Ни в чем Дана не знала отказа.

В квартире, оставшейся Дане после мужа, он сделал шикарный ремонт – шторы и посуду привезли из Франции и Голландии. Он умудрялся даже брать ее с собой в командировки. Как-то устраивал – ему многое было разрешено.

Жизнь с ним казалась Дане сказкой – яркой, интересной, насыщенной и волшебной. К тому же они любили друг друга.

Но – вот ведь судьба! Через те же семь лет, что им было отпущено с мужем, ее любовник скончался. На похоронах

Даны не было. Церемонию освещали пресса и телевидение, и две вдовы у гроба – это, знаете ли, слишком. Да еще и на виду у всей страны, у всего мира.

У гроба на стуле сидела законная, немолодая, замученная, а теперь освобожденная от пересудов и сплетен вдова – теперь это был официальный статус. Она заслужила. И, честное слово, это было гораздо приятнее, чем вечный статус жены обманутой и даже неоднократно преданной.

Дана смотрела короткий репортаж из Колонного зала по телевизору. Плакала, ощущая себя сиротой...

И еще – с той поры дала себе слово: никаких мужчин в возрасте. Ни мужей, ни любовников – все, точка. Хватит с нее смертей и похорон – теперь только мальчики.

Симпатичный и неловкий паренек из деревни показался ей забавным. Он густо краснел, сбивался и робел, и ей стало понятно, что столица испортить его не успела, он сохранил желания, мечты, романтичность, свежесть чувств и трогательную наивность. К тому же он был талантлив-талантлив, это она тоже увидела. А красавец! Таких единицы. Лепить из него художника? Нет, это вряд ли. Слишком тяжелый и длинный путь. Ну посмотрим, посмотрим. С ее-то чутьем и возможностями она обязательно что-нибудь придумает.

После чая в ход пошло вино, завязалась долгая беседа, он снова краснел и терялся. А дальше, глянув на часы, Дана спросила:

– Останешься?

После минуты раздумья, растерянности и даже страха Алексей молча кивнул. Он лежал в ее роскошной постели – нежнейшее тонкое белье, легкое, как пух, одеяло, приглушенный и таинственный свет, когда она после душа зашла в спальню. Он зажмурился, чувствуя, как холодеют конечности. Она рассмеялась и нырнула под одеяло, успев шепнуть короткое: «Не бойся, Лешенька!» А когда все закончилось и она, тяжело дыша, откинулась на подушке, поняла – мальчишка-то девственник. Господи, да сколько ему? И неужели – ни разу?

Но это было еще приятней и слаще. Только промелькнула мыслишка – а сколько мне еще таких осталось? Таких наивных и сладких?

Под утро, когда ей невыносимо хотелось спать, нежный Ромео совсем разошелся – вошел, как говорится, во вкус. «Ого! – с удивлением подумала она. – Загонит ведь, а?»

Почти неделю они не выходили из дома. Тихий и скромный Лешик, как Дана его называла, окончательно разохотился. Они, казалось, забыли обо всем на свете – он, прочувствовав это впервые и все еще пораженный открытиями, а она – с каким-то отчаянием, что ли.

Потом Алексей вспоминал, как быстро он влюбился в свою первую женщину? Не помнил. Все перемешалось тогда – жар, страсть, неопытность и опыт, отменные возможности и силы, желание и стремление доказать – его, конечно, стремление. А позже, когда Даны не стало, когда он, робкий

Лешик, превратился в того самого Алексея Божко, подумал: «Я полюбил ее сразу. В то же мгновение, в ту же секунду. Когда она, моя женщина, нырнула под одеяло и осторожно прижалась своим невозможным, своим сказочным телом».

Даны давно уже не было на свете – ушла она незаслуженно рано от тяжелой болезни, до своей мечты – спокойной старости – увы, не дожив. Не суждено ей было жить в полном достатке, вспоминая бурную молодость. Алексей поначалу ездил к ней на кладбище каждую неделю и спустя годы не забывал. Раз в два месяца – обязательно. И памятник ей, своей Дане, тоже поставил он. Никого у нее больше не было. И на цветы не скупился, помня, что любила она темные, почти черные, крупные бордовые розы.

Но это все было позже.

А в ту ночь он остался и, как выяснилось, на несколько лет.

Однажды взяла его наброски – на них, конечно, была она, Дана. Это было приятно, но дело было не в этом! Он изображал ее не в привычной одежде. Например, пышного вечернего платья из зеленого шелка у нее никогда не было. И узкой, с элегантным разрезом сбоку юбки в красную клетку – тоже. Как и пальто с рыжей лисой, и плаща с огромным, словно шаль, капюшоном.

– Леша, что это? – удивилась она.

Он смутился:

– Да так, фантазирую. Ты извини!

Она рассмеялась и все поняла, словно выдохнула от радости и облегчения. Судьба ее Лешика была предрешена. Теперь нужно действовать, а это она очень любила.

Она повезла его к своей стариной знакомой – известной в высоких кругах портнихе, обшивающей знаменитых и важных людей.

Та пожилая и важная дама попросила его показать наброски.

Удивилась:

– А у вас, мальчик, легкая и умная рука! – И кивнула Дане: – Ну что ж, можно попробовать!

И взяла его, окончательно впавшего в ступор, смущенного и ошалевшего, под свой патронаж. Так он стал ее ассистентом – раскраивал ткани, делал выкройки, придумывал новые фасоны, копаясь в иностранных журналах, которых было у его патронессы в избытке. И дело пошло. Патронесса оценила его. Теперь, при его непосредственной помощи, она получала еще больше заказов и восторженных отзывов. А он стал прилично зарабатывать. Их роман с Даной продолжался. Или так – продолжались их отношения. Но теперь все немножко изменилось – теперь горела она. А он, увлеченный работой, уже немного привык. Страсть его поутихла. Ее – нет. Но, как умная женщина, она отлично понимала – скоро, совсем скоро он окончательно к ней охладет. И нужда в ней у него отпадет. Значит, надо еще и дружить! Стать ему незаменимым и самым близким человеком, другом, соратницей.

Горько? Да. А что делать? Жизнь-то идет. Да нет, не идет – бежит! Бежит, торопится, как бурный горный ручей. И некуда деться...

Она заставила Лешику учиться. С ее помощью и связями он поступил в Текстильный институт, на вечернее, разумеется. А спустя несколько лет, набравшись опыта и получив наконец диплом, по протекции все той же портнихи, своей патронессы, он поступил в Дом моделей. В его трудовой книжке было записано: «модельер-конструктор женского платья». Там, несмотря на конкуренцию и интриги, Алексею довольно быстро удалось пробиться: он был талантлив, не конфликтен, услужлив, скромен, мил и общителен, ненавидел сплетни. Словом, его оценили по достоинству. И началась другая жизнь – показы, поездки, интервью, фото в газетах и журналах, командировки. Дружба с влиятельными людьми из совершенно, кстати, разных сфер. Личностью он стал известной – дружить с Алексеем Божко стало почти привилегией.

Пользовался ли он своими связями? Да. Но не злоупотреблял. И это тоже ценили. К сильным мира сего обратился всего два раза: в первый, когда ему была нужна московская прописка, что было сделано быстро и легко. А во второй – просил помочь с квартирой. Здесь было сложнее, но получилось и это. Теперь он стал счастливым обладателем кооперативной однокомнатной квартиры в новом районе, на проспекте Вернадского. В те годы это была, конечно же, окраина – вечная грязь, отсутствие метро и магазинов, крики ра-

бочих и башенные краны из окна.

Но! Это была его первая личная жилплощадь, которой он страшно гордился.

Его отношения с Даной совсем сошли на нет, однако дружить они продолжали. Дана старела, теряла свой оптимизм и к пятидесяти двум годам почти сникла. «Все неинтересно, Лешик! – печально вздыхала она. – Все уже было». Он смотрел на нее с сожалением и грустью – той Прекрасной Дамы давно уже не было, хотя на людях она еще старалась держаться.

Он приглашал ее в театры, в рестораны и на просмотры. Помогал деньгами, привозил из-за границы подарки. Жалел. Грустно было смотреть на то, как она, сама жизнь, угасает. Она была из тех женщин, для которых потеря молодости и красоты стала абсолютной трагедией.

Когда Дана заболела, Алексей подключил все свои связи: Кремлевка, импортные лекарства, отменное питание и все прочее, включая внимание.

Она смотрела на него с благодарностью и гладила по руке. А однажды сказала:

– Лешка, остановись! Ничего не поможет! Я просто устала. Устала жить, понимаешь? Не-ин-те-рес-но! Все уже было, родной!

И напоследок сделала ему царский подарок – уговорила, заставила расписаться, чтобы после ее смерти ему досталась ее шикарная квартира. Он долго отказывался, она плакала и

умоляла. Он уступил.

Иногда его утомляла суетливая и беспокойная жизнь. Он оставался тем же одиночкой, тем же мальчишкой из маленького поселка, обожавшим свое одиночество, мечтавшим всю жизнь об одном – чтобы его не трогали, оставили в покое. Чтобы можно было спокойно рисовать.

С удовольствием, блаженством и счастьем он всегда радовался свободному вечеру, когда не нужно было спешить на премьеры, показы, встречи и ужины.

Переодевшись в халат, наливал себе бокал вина или коньяка и усаживался в кресло. Свет не зажигал, квартиру освещали уличные фонари и блики от фар проезжавших мимо машин, тихо играла музыка, и он, покачивая ногой в такт музыке, закрыв глаза, вспоминал свою жизнь.

Как все странно сложилось! А если бы не та встреча с Даной? Где бы он был сейчас, Лешка Божко? Вот ведь судьба...

В близких кругах у него было прозвище – Сибарит. Он и сам удивлялся, откуда у него, простого деревенского мальчишки, робкого, скромного и неприхотливого, появились и прочно укрепились барские привычки, словно был он из старинного, богатого и знатного рода. Он любил красивые вещи – до дрожи любил. Был постоянным клиентом антикварных салонов. Признавал только отменный коньяк, хороший сыр и ветчину. Ко всему плебейскому относился с легким презрением. Спасибо Дане, его первой наставнице? Да, конечно ей! И низкий ей поклон за то, что объяснила и приучила!

Женщин вокруг него крутилось достаточно – все понятно, профессия. Модели, портнихи, клиентки. И почти все, за редким исключением, были бы не прочь завести с ним короткий или долгий роман. Иногда он, как сам посмеивался, «поддавался» и уступал. Но душу его никто не затронул. Не было там любви, это было понятно.

Семьи он не хотел – лишние хлопоты. Про детей и не думал. Зачем ему дети? За бытом следила домработница. Вот с ней ему повезло. Была у него только одна просьба: к его возвращению ее не должно было быть, он любил приходить в пустую квартиру.

Спустя почти десять лет Алексей поехал на родину, к матери. Нет, он никогда не забывал о ней – посылал денежные переводы, продукты и вещи. А вот приехать времени не было. И вот собрался.

Мать выглядела уже глубокой старухой, хотя лет ей было не так уж много. Увидев сына, все никак не могла успокоиться – счастье-то какое! Лешка наш стал человеком известным и важным – доказательства тому фотографии в газете и в журнале мод. Мать не выпускала их из рук. А разбогател как! Вот чудеса... Ее странный Лешка!

А какие подарки привез – с ума ведь сойти! И надеть-то страшно – позавидуют же! Да и как в этом всем здесь, по деревне, ходить? И нарядные платья, кофты, туфли мать потихоньку убрала в сундук.

А он сорил деньгами, пытаясь восполнить, возместить

свое отсутствие: нанял работяг, чтобы те построили баню, сменили худую крышу, поставили новый забор. Привез из областного городка новый цветной телевизор – вот уж чудеса, с ума сойти! Новый ковер во всю стену – мать плакала от счастья.

Как-то, почти перед самым отъездом, встретил Надюшку Попову, свою одноклассницу. Кажется, он был в нее влюблен классе в седьмом. Правда, узнал не сразу – это она, Надя, окликнула его:

– Лешка, ты?

Он замер, вглядываясь в ее лицо. Не узнавал.

Перед ним стояла замученная трудной жизнью, почти высохшая, морщинистая баба, с красным деревенским обветренным лицом. На узких плечах болтался потрепанный ватник, на ногах – безразмерные резиновые сапоги. На голове был туго повязан платок, скрывая прекрасные золотистые Надины волосы. Хотя, наверное, и волос уже нет – тех самых, тонких, пушистых, с рыжим отливом.

Надя смотрела на него с усмешкой:

– Что, не узнал? Понимаю. Жизнь такая, Леш! Такая тяжелая и дикая жизнь...

Он, сглатывая слюну, кивнул:

– Понимаю.

– Да что ты там понимаешь! – засмеялась она. И тут же серьезнела, нахмурила брови. – Да и слава богу, что не понимаешь, Лешка! Слава богу, что уехал тогда – ты ж себя спас!

Здесь же... – Она помолчала. – Пьют же все здесь, Лешка! А уж мой... Что говорить! Спился совсем. – Она с отчаянием махнула рукой и, не попрощавшись, пошла прочь.

Он смотрел ей вслед и видел, как тяжело, словно старая ломовая кляча, она передвигает ноги в огромных мужских сапогах.

Потом встретил Димку Сокола – и тоже чуть не заплакал. В школе Димка подавал большие надежды, особенно давалась ему математика. Вместе мечтали о столице. Только с ним, с Лешкой, было все непонятно: подумаешь, рисовальщик, маляр, как пренебрежительно называла его мать. А вот с Соколом все было ясно – по словам учителей, способности его граничили с явным талантом.

На Сокола было больно смотреть – распухшее, с фиолетовым отливом лицо, заплывшие глаза и беззубый рот.

– Сокол, как же так? – растерялся Алексей. – Почему?

Тот окинул его оценивающим взглядом:

– Да вот так, Божко. Не получилось. Мать не смог бросить. И бабуку. Пропали б они без меня. С голоду б сдохли. Ты ж знаешь, бабка слепая, у матери сухая рука. Не прокормились бы. Вот я и остался. Ты вот смог, Лешка! – Он недобро усмехнулся. – А я нет. Сил не хватило.

– А зачем пьешь? – спросил Алексей. – Без этого что, никак?

– Осуждаешь... – Сокол презрительно усмехнулся. – А что здесь еще остается? Жизнь здесь такая. Нельзя не пить.

Вот у тебя все вышло – радуйся. А советов твоих мне не надо. У всех своя жизнь. Значит, такая судьба. – И Сокол, круто развернувшись и не попрощавшись, пошел прочь.

«Ты вот смог. А я нет», – крутилось у Алексея в голове. А что, Сокол прав! Он смог. Смог переломить судьбу. И слава богу, наавтра он уезжал.

* * *

Милочка раздумывала. Идти на работу ей не хотелось. Но и болтаться без дела было тоскливо. С кем посоветоваться? Так, чтобы можно было довериться? Про своих знакомых все знала – завистливы и злоязыки. Поднимут на смех: «Работа, Мил? Ты что, ошалела?» В кругу золотой молодежи работать было не принято. Учиться в модном вузе – это пожалуйста! МГИМО или Институт иностранных языков – это было модным, престижным.

Но учиться Милочка не собиралась. Позвонила Анзорчику – мужчина всегда беспристрастнее, чем женщина. Встретились в кафе на Горького. Тот внимательно выслушал и кивнул:

– Конечно, иди! Во-первых, чем тебе заниматься? А во-вторых, деньги-то нужны! Или я не прав?

Милочка со вздохом кивнула.

– Будешь там на виду – поездки всякие, подарки. Ну и покровители – ясное дело! Знаю, девчонки из Дома моде-

лей все в большом порядке – даже лучше, чем балеринки из Большого! Глядишь, найдешь себе важного дядю для красивой жизни. Сама подумай, что тебе вокруг этих балбесов крутиться, а, Мил? Молодое и наглое дурачье. Ищут себе развлечений оттого, что нехрена делать – от скуки ведьдохнут! Как, впрочем, и я. Да и жениться никто из них не собирается – на это ты не рассчитывай! А если и женятся – то на своих. Папа с мамой все приготовят, невест и женихов подберут. Тебя не примут – ты для них, Милка, дворняжка. Ну или еще хуже. Вон как с Серегой вышло. И ведь никто не помог – ни дед, ни папаша. Все мы тут ходим по острию, Мил, ты это знаешь! Но мы – мужики, нам это в кайф. А ты женщина. Тебе надо замуж – семья, то, се... Ну вот и беги отсюда, мой тебе, Милка, совет. Там хоть есть перспектива и даже надежда! Вдруг что выпадет, а?

Выпили по чашке жидкого кофе – Анзорчик плевался:
– Тьфу, да когда ж вы хоть кофе научитесь варить! Вот ведь уроды!

Догнались коньяком, на том и разошлись.

Алексею Божко – как было написано на картонной карточке – Милочка позвонила через неделю. Кажется, он ей обрадовался, и уже на следующий день она оформилась в Дом моделей. Божко ей нравился – спокойный, уравновешенный и, кажется, доброжелательный. К тому же он к ней не приставал. А вот в коллективе ее приняли настороженно. Не плохо, нет – именно настороженно. На перекуры не приглашали,

«по кофейку» и на перекусы – тоже. Девчонки любили вкусненькое – бегали в Столешники за тортиком или пирожными. Ей предлагали, но вяло и с большим одолжением. Она, конечно, отказывалась. Они переглядывались и усмехались: надо же, гордая какая у нас Иванова!

На шутки и усмешки не реагировала – подумаешь, цацы! Она-то чем хуже? И гордо уходила одна.

Божко наблюдал за ней, внимательно наблюдал. Исправлял ошибки, никогда не ругал, поддерживал и подбадривал.

Мила, чувствуя его поддержку, немного воспрянула и ожила. Хотя довольно часто подумывала: а не послать ли все это к чертям, не уйти ли из этого серпентария?

Однажды столкнулись с Божко при выходе из подъезда. Он мягко улыбнулся ей и предложил подвезти. По пути неожиданно предложил:

– А может, поужинаем? Ты, Иванова, не голодна?

Милочка равнодушно пожала плечами. Есть не хотела, перекусила сыром и бубликом, а вот возвращаться в чужую пустую квартиру неприятно. Кивнула – согласна. Приехали в знаменитый «Арагви». Войдя внутрь, она чуть не расплакалась – здесь они часто бывали с Серегой... Сдержалась. Сели за столик и начали пировать. Она поняла, что Божко человек щедрый и при этом без ненужного пафоса и фанаберии.

Неожиданно ей стало легко и спокойно – она оживилась, покраснелась и с удовольствием принялась за еду. Пили красное «Ахашени» – терпкое, сладковатое, вкусное. Она

быстро опьянела и ословела – от еды, вина, тепла и приятного, доверительного разговора.

А в машине неожиданно для себя расплакалась – ей вдруг так стало жалко себя! И она начала рассказывать ему, почти чужому человеку, собственному, кстати, начальнику, всю свою жизнь. Про маленький поселок при камвольном комбинате. Про их барак и тихую, забитую мать. Про свои мечты уехать, сбежать в большой город, в Москву – устроить свою жизнь. «А что тут плохого? – оправдывалась она. – По-моему, это нормально!» Про их с Серегой роман – большую любовь, абсолютное счастье, мечты и его предательство. Про тюрьму и его нежелание с ней иметь дело. Про чужую квартиру, где ей приходится жить и дрожать от страха, что Маринка вернется и ее выгонит. Вот только в поселок, к матери, она ни за что не вернется.

– Ни за что, вы слышите! В этот склеп, в эту могилу! Уж лучше сдохнуть здесь, на помойке, – всхлипывала она, размазывая по лицу черные от туши слезы.

Алексей жалел ее. Вспоминал свои ночевки на вокзале, животный страх перед милицейским лейтенантом, зорко высматривающим свою жертву. Постирушки в вокзальном туалете, над заплеванной раковиной. Батон на обед, от которого в спазмах сжимался желудок. Койку с пружинным матрасом и бабу-хозяйку. Тяжелый ночной труд грузчика на вокзале. Пачку ворованного пшена, спрятанную под рубахой.

Он кивал, утешал ее и вытирал ее лицо платком.

– Тише, Милочка! Тише! Ну, не плачь, моя девочка, у тебя же вся жизнь впереди! И все еще сложится, ты мне поверь! Ты же сильная, Милочка! А какая красавица! Ты посмотри на себя – ты ж королева! Снежная королева!

Он повез ее к себе, засунул в душ и принес теплый махровый, невиданной красоты небесно-голубой халат.

После душа Милочке стало легче, но все еще потряхивало. Алексей сделал ей сладкого чаю и отвел в спальню.

Укрывшись по горло одеялом – все еще сильно знобило, – она быстро уснула.

Проснувшись, открыла глаза и оглядела комнату. Темные, с золотом, обои. На стенах картины в тяжелых позолоченных рамах. Шелковые шторы, не пропускающие дневной свет. Пушистый ковер у кровати.

Она осторожно встала и вышла в коридор – в квартире было тихо. На цыпочках обошла комнаты, убедилась, что хозяина нет. На кухонном столе лежала записка: «Кофе на плите, завтрак под салфеткой. Ты сегодня выходная – отдыхай. Дождись меня – я буду не поздно».

В растерянности она опустилась на стул – что это значит? Нет, конечно, она оценила его благородство – никаких посягательств той ночью не было, за что большое спасибо. Но все-таки – что это значит? Дружеский жест или?..

Так ничего и не поняв, она решила, что нужно дождаться вечера. А там что будет, то и будет. Успокоившись, она с удовольствием выпила кофе, что-то съела, ушла в комнату и

не заметила, как уснула. Проснулась только к вечеру – свежая и отдохнувшая. Привела себя в порядок и стала ждать Алексея.

Вскоре он появился – улыбочивый, мягкий и добродушный – и коротко бросил:

– Одевайся! Мы идем в театр!

После премьеры во МХАТе – ох, сплошные звезды, небожители! – был еще и ужин в ЦДРИ в большой актерской компании. Милочка робела и сидела затаив дыхание. А эти небожители громко смеялись, рассказывали анекдоты – не всегда приличные, с крепким словцом. Впрочем, ее это совсем не смущало – только слегка удивляло: надо же, и они! Небожители много ели и много пили, перебивали друг друга, едко друг над другом подшучивали, обсуждали отсутствующих – словом, вели себя как обычные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.